

ДИСКУСІЙНИЙ КЛУБ

Ів. Ан. Ті. Сталкер,
м. Хацанетівка

ЕНЕРГЕТИЧНА СКЛАДОВА ГЕОПОЛІТИКИ КОНФЛІКТУ НА СХОДІ

http://censor.net.ua/photo_news/317873/verbovschik_glava_fonda_sverdlovskih_veteranov_spets%2Fnaza_rasskazal_kak_otpravlyayet_v_gumkonvoyah_na/sortby/tree/order/desc/page/1#comments

«Во время холодной войны мир с большим опасением наблюдал за советским военно-промышленным комплексом. От наблюдателей ускользнуло сооружение другого гигантского комплекса, игравшего не меньшую роль для развития СССР, чем оборонная промышленность, – энергетического комплекса. При этом уже тогда нефтяной и газовый экспорт финансировали статус военной сверхдержавы, поддержку государств-сателлитов, а также коммунистическую мировую революцию. Советский энергетический комплекс представлял собой огромную единую промышленную империю: бесчисленные производственные мощности, транспортные системы длиной в тысячи километров, разбросанные по всей стране резервные хранилища, ведущие в Восточную и Западную Европу трассы, гигантские гавани для отгрузки нефти, геологические институты и залежи так называемых стратегических энергетических запасов, разработка которых была отложена на более поздний срок. После развала Советского Союза энергетическая империя распалась, её части оказались на территориях новых независимых государств. Среднеазиатским странам достались доходные нефтяные и газовые месторождения, а таким государствам, как Украина и Беларусь, – стратегическая транзитная монополия для экспорта энергоносителей в Европу. Бывшие государства Варшав-

ского договора тоже не остались с пустыми руками – они приобрели ценные части распавшегося энергетического комплекса в виде проводящих систем, газгольдеров, нефтеперерабатывающих заводов и погрузочных портов. Каждая из сторон пыталась извлечь из своего наследия как можно больше пользы.

В 90-е годы цена на энергию упала до минимума, множество нефтяных и газовых фабрик с их устаревшими промзонами и обнищавшими рабочими стали для государств скорее обузой, чем достоянием. В России во время «дикий» приватизации старые советские нефтяные производства переходили в руки новых олигархов по сильно заниженной стоимости. Незадолго до окончания ельцинской эры между олигархами и правительством разгорелся конфликт из-за газового монополиста «Газпрома». Тогдашний премьер-министр Виктор Черномырдин, ранее занимавший пост министра энергетики СССР, смог отвоевать в пользу государства контроль над важнейшим источником валютных поступлений страны. Однако, ни власти, ни новые владельцы производств в 90-е годы не обладали необходимым капиталом для модернизации энергетического комплекса. Падение добычи можно было остановить только с иностранной помощью. В страну приглашались западные энергетические концерны-инвесторы. Сначала они отказывались вкладывать свои

капиталы, опасаясь рисков. Чтобы их заинтересовать, правительство предоставило им привилегии в виде освобождения от налогов и специальные разрешения при разработке ресурсов. Это зашло настолько далеко, что государство, заключая договора с иностранными концернами, отказывало себе в своей марже прибыли на 25–30 лет вперед. У представителей западного делового мира из-за этого разгорелся еще больший аппетит. А, может, Россия интернационализирует свои минеральные полезные ископаемые? Компания «BP» купила в южной Сибири доходное газовое месторождение будучи твёрдо уверенной в том, что, когда-нибудь начнёт продавать газ в Китай. Другие нефтяные транснациональные корпорации позволили заманить себя таким образом на полуостров Сахалин.

С 60-х по 90-е годы прошлого столетия 85% мировых резервов нефти находилось под контролем транснациональных концернов. Но потом произошло изменение парадигмы. Постоянно растущие цены на нефть способствовали выработке Кремлём новой энергетической стратегии, которая могла бы решить все российские проблемы 90-х. Сначала из бурлящего экспортного источника был создан Резервный фонд, в который вливались общие поступления от энергетического бизнеса. С цены на нефть, превышающей 15 долларов за баррель, российские поставщики обязались платить государству 90% экспортного налога. Иностранные концерны лишились своих привилегий по добыче нефти и вынуждены были согласиться на роль младших партнеров. Все планы развала «Газпрома», принявшие в 90-е годы конкретные формы, были отложены. От олигархов потребовали продать все приобретенные ими в 90-е годы нефтяные компании обратно во владение таких государственных концернов, как «Газпром» или «Роснефть». Те, кто попытался этому сопротивляться, лишались власти, изгонялись или – как в случае с Ходорковским – были лишены собственности. Государственная власть снова устанавливала контроль над стратегическими сферами полезных ископаемых и разработкой ресурсов. Согласно финансовому институту «Тройка Диалог», доля государства в нефтяных и газовых компаниях с 2004 по 2007 год выросла с 32 до 47%. Через три года она уже намного превышала 50%. Государство будет решать в будущем вопросы о стратегических инвестициях, энергообеспечения за границы, а также по аккумулярованию доходов от экспорта. Страна оказалась в завидном положении, получив возможность финансировать оздоровление своей экономики, возникший подъем и амбициозные военные расходы не с помощью скудных налогов, собираемых с населения, а посредством текущих непрерывным потоком нефтедолларов. Путин даже смог позволить себе ввести самую низкую в мире налоговую ставку в 13%.

Российские политики всегда были хорошими шахматистами. И в энергетической политике тоже. Для стратегов Кремля было очевидно, что изобилие топлива в России будет вызывать подобного рода ненасытность на мировых рынках не долее, чем до середины XXI века. После этого мировые запасы энергоресурсов начнут медленно иссякать, и человечеству придется перейти на другие источники энергии, чтобы обеспечить себе ток в розетках и работающие моторы автомобилей. Но все равно в ближайшие 20–30 лет в мире, становящемся все более зависимым от сырья и энергии, Россия может играть роль энергетической сверхдержавы. На сегодняшний день страна добывает такое количество нефти и газа, которое она в состоянии выгодно продать. В северной области Каспийского моря, на востоке Сибири и в российской части Арктики хранятся основные стратегические ресурсы энергетической державы, ожидающие часа своей добычи, когда все остальные источники иссякнут.

Энергетическая стратегия России определена до 2030 года. К этому моменту апогей нефтяной эры останется позади, после чего ископаемые горючие материалы перестанут играть столь важную роль. До этого времени Россия должна стратегически использовать свое национальное сырьевое богатство для модернизации. Одновременно освободить экономику от абсолютной зависимости от экспорта сырья. К уже перечисленным мерам добавляются и другие. До 2030 года ЕС понадобятся дополнительные 200 миллиардов кубометров газа. Россия готова поставлять необходимые объемы из западной части Сибири через новый трубопровод. Количество природного газа, которое в будущем потребуется азиатским странам, пока точно не оценено и зависит от перспектив экономического роста Китая и Индии. Россия готова переориентировать свою экспортную инфраструктуру на Южную Азию и обеспечить континент газом и нефтью. Для этого стране понадобятся миллиардные инвестиции в едва начатую добычу в Восточной Сибири, на Камчатке и на Северном полюсе. Одновременно экономика России растет на 4% в год. До 2020 года внутренний спрос на природный газ в стране поднимется на 50%, так же как на 50% вырастет и европейский спрос на газовый импорт. В Китае потребление газа увеличится от 6 до 13%. То есть Россия должна удвоить выработку газа, чтобы удовлетворить как собственных, так и европейских потребителей.

Из-за высокого внутреннего потребления уже сейчас «Газпром» может выполнять свои экспортные обязательства только с помощью дополнительных закупок газа из Средней Азии. В российском государственном энергетическом хозяйстве природный газ составляет 50%. Российское правительство планирует серьезно поднять внутренние цены и, за счёт сокращения внутреннего потребления, создать

дополнительные объемы для экспорта. Углеводороды и в дальнейшем должны использоваться для доходного экспорта, спрос на дополнительную энергию на внутреннем рынке можно будет удовлетворить за счет повышения производства атомной энергии с 15 до 25%.

Российская энергетическая стратегия в будущем предусматривает переработку нефти и газа в собственной стране. Сейчас 90% энергоносителей продается за границу в сыром виде. В следующие десятилетия химическая индустрия в первую очередь должна извлечь пользу из национальных природных богатств. Поэтому экспорт сырой нефти должен быть сокращен. Впрочем, все это не дает ответа на вопрос о необходимости увеличения объемов добычи. Разработка новых газовых месторождений на Ямале и Штокмане откладывается по причине недостатка технологий и ноу-хау. Без иностранного сотрудничества Россия едва ли сможет осуществить модернизацию своего энергетического комплекса и увеличить добычу природного газа и нефти. Поэтому в 2010 году было принято новое решение правительства об организации совместных предприятий с платежеспособными и, главное, технологически продвинутыми иностранными нефтяными транснациональными корпорациями. Государственная нефтяная компания «Роснефть» заключила стратегическое сотрудничество с «BP». Российская сторона нуждалась в техническом оборудовании «BP», чтобы начать добычу нефти на арктическом шельфе. Вместе с этим государственный холдинг рассчитывал с помощью концерна «BP» открыть для себя внешние рынки. В настоящий момент это СП пока находится в подвешенном состоянии, однако «Газпром» уже несколько лет поддерживает подобные совместные предприятия с немецкими энергетическими концернами *BASF/Wintershall* и *E.ON/Ruhrigas*, итальянским *ENI* на Ямале и французским *Total*, а также норвежским *Statoilua* Штокмане.

В энергетическую стратегию входит и открытие стратегических отраслей нефтяной и газовой промышленности иностранным инвесторам. Доля прямых инвестиций в сферу энергетики в следующие годы должна вырасти на 12%. В последнее время от Путина можно было услышать, что российский энергетический сектор относится к самым либеральным в Европе. По словам Путина, правительство вычеркнуло большинство предприятий из списка не подлежащих приватизации «стратегических предприятий» по добыче сырья. Теперь их ничто не ограничивает. После фазы консолидации энергетического комплекса посредством огосударствления Россия вернулась на дорогу конструктивного сотрудничества с западными партнерами. Их инвестиции в разработку минерального сырья будут крайне необходимы в ближайшие годы. В

Восточной Сибири добыча также должна быть освобождена от налогов. Характерно, что, давая что-нибудь западным предпринимателям, правительство тут же что-то забирало обратно. Иностранная добыча в будущем должна облагаться высокими импортными пошлинами, чтобы таким образом подержать национальное машиностроение.

В 2010 году 65% всех мировых запасов нефти находились под контролем государств и государственных концернов крупных нефтедобывающих стран. Такие европейские международные концерны, как *Shell*, *British Petroleum (BP)*, *Statoil Hydro* и *Total*, вынуждены были скрипя зубами принять изменение правил игры и уступить первое место таким компаниям, как *Saudi Aramco*, «Газпром», *CNPC* (Китай), *NIOC* (Иран) и *PDVSA* (Венесуэла). Тем временем заупрямились американские концерны. Во времена головокружительно подскочивших цен на нефть европейские фирмы не хотели упускать рекордные прибыли, тогда как американцы неистовствовали из-за потери геополитического влияния, оказываемого через их предприятия. При этом на Среднем Востоке США все поставили на карту. Бывший глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен откровенно признался, что американцев в войне в Ираке интересовала нефть. Америка хотела обеспечить доступ своих концернов к иракской нефти. Само собой напрашивается предположение, что и в войне в Ливии 2011 года французы и англичане руководствовались подобными мотивами. Это были контуры нового сырьевого миропорядка, в рамках которого избалованные успехом западные актёры не хотели ничего терять.

В 90-е годы Россия и США завязали многообещающее сотрудничество в энергетическом секторе, которое к началу XXI века приняло конкретные формы. Американские концерны проявили интерес к переоборудованию российских терминалов для транспортировки сжиженного природного газа (СПГ) с Каспийского моря и Мурманска. Они даже показали свою готовность проложить стратегические нефтепроводы для транспортировки среднеазиатских энергоносителей через российскую территорию вплоть до Черного моря. После событий 11 сентября 2001 года в странах Персидского залива не исключались волнения. Вынашивались планы по созданию на российской территории нефтяных и газовых резервов для снабжения Запада. Российско-американский энергетический диалог протекал в более доверительном ключе, чем европейско-российский. Шеф «Юкоса» Ходорковский получил от Кремля задание организовать экспорт СПГ через Атлантику на Американский континент. «Юкос» приобрел нефтяные терминалы в Мурманске и в латвийском Вентспилсе. Внезапный арест Ходорковского оборвал энергетическое сотрудничество.

Спустя годы в одном из интервью Ходорковского спросили, почему он подвергался преследованиям. Олигарх высказал предположение, что скорее всего его планы слияния с одной американской нефтяной корпорацией побудили Кремль сорвать стоп-кран. Ходорковский забыл упомянуть, что у него произошел нешуточный конфликт с российскими властями из-за поставок нефти в Китай. Олигарх хотел протянуть в Поднебесную собственный нефтепровод, чтобы «Юкос» смог обосноваться на ненасытном азиатском рынке. У Кремля же относительно этого были свои собственные планы. Незадолго до ареста, в октябре 2003 года, Ходорковский посетил Берлин и держал речь в Канцелярии федерального канцлера. Он оставил о себе противоречивое впечатление. С одной стороны, в продуманной речи в Немецком Совете по внешней политике под громкие аплодисменты он пообещал в будущем посвятить себя созданию российского гражданского общества. С другой стороны, попросил у Германии поддержки в борьбе против Кремля. Развал его концерна подвел заключительную черту под энергетической экономической моделью 90-х. Впоследствии все пути к российскому энергетическому сектору пролегли исключительно через Кремль.

Сегодня российская энергетическая отрасль страдает от коммуникационной проблемы. Западные страны очень заинтересованы в сотрудничестве с энергетической сверхдержавой, однако один только внешний вид самоуверенных и надутых новых российских энергетических царей, в основном выходцев из старого советского энергетического комплекса, не вызывает симпатии. Мало кто из русских ответственных руководителей владеет иностранными языками, менеджеры не умеют вести себя с западными СМИ. Отношение к западным партнерам уничижительное. На российских нефтегазовых конференциях дискуссии не приветствуются, попыток достичь консенсуса не предпринимается. Вся вина обычно перекалывается на других. Собственное мнение навязывается партнерам по переговорам или аудитории агрессивно и без права на возражения. Поэтому неудивительно, что даже у благосклонных западных наблюдателей возникает чувство, что Россия как бы пытается доминировать над другими в энергополитическом отношении. Бесчисленные западные PR-фирмы, подряженные улучшить российский имидж, каждый раз стонут, когда их доброжелательные советы резко отвергаются. Если российским концернам рекомендуют вести разумную и прозрачную работу по лоббированию в западных столицах, они отмахиваются: мы, мол, не садимся за один стол с политическими пешками, а обращаемся напрямую к главам государств.

После того, как Россия снова объединила энергетический комплекс на собственной территории, был сделан следующий консолидирующий шаг –

стало поощряться внедрение российских концернов в энергетические инфраструктуры бывших советских республик и бывших государств Варшавского договора. Больших успехов в этом деле Россия достигла в Беларуси и Армении. Шаг за шагом Москва получала там контроль над местными производствами и транзитными системами. В 2010 году начались переговоры с Украиной о слиянии государственных концернов «Нафтогаз» и «Газпром».

Российский газовый монополист, являясь совладельцем транзитного газопровода, проходящего по территории Польши и Балтики, стремится завладеть стратегически значимой нефтегазовой компанией «MOL» в Венгрии и, по мере прокладки газопровода «Южный поток» по территориям Балканских стран, протягивает свои щупальцы к энергетически-релевантным индустриальным структурам государств бывшей Югославии. В Германии «Газпром» является соучредителем совместного предприятия «Wingas», благодаря чему Россия имеет возможность поставлять свой газ напрямую в центр Европы. Российский нефтяной концерн «Лукойл» проводит подобный курс экспансии в Центральной Европе, одновременно обеспечив себе долевое участие на рынке заправочных станций в США. «Газпром» заинтересован в скупке западноевропейских муниципальных энергопредприятий общего пользования ради получения возможности продавать свой газ на местах. Евросоюз относится к этим планам с недоверием.

Интеграция в производственные структуры других стран усиливает стратегическое значение России как энергетической державы на европейском континенте. При такой скупке вряд ли возможно избежать противодействия. Когда Литва отказалась продать свою нефтяную перерабатывающую фабрику «Мажейку нафта» российскому инвестору и вместо этого передала ее в польское владение, Россия прекратила снабжение фабрики сырой нефтью. С тех пор российская нефть больше не течет по балтийскому нефтепроводу, а вместо этого отправляется из Санкт-Петербургского порта морским путем» [1, с. 141-152].

«В середине 90-х годов Путин написал кандидатскую диссертацию, в которой сформулировал своё видение. Россия должна строить экономику, опираясь на мощь своих минерально-сырьевых запасов. России нужны концерны, которые на основе концепций государственно-частного партнерства смогут конкурировать с транснациональными корпорациями. Читатель диссертации быстро переносится в сегодняшнюю действительность. Спор по поводу прокладки новых трубопроводов из нефте- и газодобывающих областей бывшего Советского Союза в Каспийском регионе принял контуры геополитики бывших мировых империй. Новая «Большая игра» читается как захватывающий криминальный

роман. Важным элементом топливно-энергетического комплекса России являются трубопроводы. Москва хочет сохранить свою газопроводную монополию, и чтобы не возникло никаких альтернативных транспортных путей в обход ее территории. По этой причине Россия скупает энергоносители в государствах Средней Азии, чтобы продавать их на Запад под видом собственного газа. Эта схема успешно работала до тех пор, пока Россия не потребовала от стран-транзитёров Украины и Беларуси платить за нефть и газ по мировым ценам. Естественно, что среднеазиатские государства в свою очередь захотели получать оплату за энергопоставки по мировым тарифам.

Еще 20 лет назад никто не мог себе представить отмежевание советских «исламских колоний». Когда же такое отделение произошло, новые владельцы нефтяных и газовых ресурсов обнаружили, что малочисленные трубопроводы, которые могут доставить их бесценный товар на мировые рынки, все до единого проходят через Россию. После развала Советского Союза в Каспийском регионе столкнулись энергетические интересы России, США, ЕС, Китая и Ирана. США и Евросоюз задались целью освободить регион из российского «плена» и проложить новые трубопроводы через Кавказ в Европу. Планы строительства альтернативных трубопроводов растянулись на бесконечно долгий срок. Территориальные конфликты на Северном и Южном Кавказе задерживали отгрузку кавказской нефти и газа. Россия изо всех сил сопротивлялась потере своей транзитной монополии, а два покушения на тогдашнего главу Грузии Эдуарда Шеварднадзе стали свидетельством того, с какой бесцеремонностью проводились геополитические споры. Только в 2005 году в действие, наконец, вступил пролобированный США нефтепровод Баку–Джейхан, способный в обход России через Грузию вести прокачку 800 тысяч баррелей азербайджанской нефти в день (1% мирового производства) к турецкому побережью Средиземного моря. Через 10 лет, параллельно нефтяному транзитному пути, по газопроводу «Набукко», строительство которого форсируется Евросоюзом, через Турцию в Европу будет ежегодно поставляться 30 миллиардов кубометров газа. Наряду с 10 миллиардами кубометров азербайджанского газа по газопроводу «Набукко» могут потечь дополнительные объемы туркменского и северо-иракского газа. США запретили его поставки из Каспийской зоны через Иран. Туркменистан пообещал Евросоюзу ежегодно закачивать 40 миллиардов кубометров газа, однако многие эксперты подозревают, что Ашхабад рискует запасами своих резервов, раздавая обещания всем подряд – русским, китайцам, индийцам, а также европейцам. Казахстан тоже искал возможности диверсификации от Москвы и проложил собственные транспортные

маршруты на Запад для своих горючих материалов. Государственный концерн «Мунайгаз» приобрел два терминала на черноморском побережье – в Румынии и Грузии – и обеспечил себе прямой доступ к европейским нефтяным рынкам.

России осталось только беспомощно наблюдать, как разваливается ее трубопроводная монополия на Южном Кавказе. Москва долгое время ставила препону строительству трубопровода «Набукко». Она была уверена в том, что ЕС ни за что не удастся собрать необходимые для его строительства 8 миллиардов евро. Россия скупала значительную часть азербайджанского газа. Однако Баку не хотел попадать в одностороннюю зависимость от Москвы и все больше ориентировался на «Набукко». Только Армения, энергетическая структура которой в значительной мере контролировалась российскими концернами, осталась верной Москве. Между тем, Грузия покупала свой газ у Азербайджана.

В 2010 году Россию постиг очередной шок. Российская транзитная монополия теперь была прорвана и в восточной части Каспийского моря – в Средней Азии, и в этот раз не Америкой, а Китаем. Китайский государственный концерн вошел в энергетические комплексы среднеазиатских государств, вложив в это миллиарды долларов. Китай обеспечил эти страны кредитами, их выплаты производились в виде поставок газа и нефти. Менее чем за два года был проложен нефтепровод из Средней Азии в Китай. С начала китайского бума, произошедшего 10 лет назад, Пекин постоянно наседали на Москву, настаивая на строительстве газовых и нефтяных трасс, по которым бы производилась прокачка минерального сырья из сибирских месторождений на северо-запад Китая. Шеф «Юкоса» Ходорковский был самым большим лоббистом подобного нефтепровода. Однако Кремль отказывался передать Китаю роль энергетического рулевого азиатского континента, оставляя за собой право контролировать азиатский энергетический бизнес. Интерес к энергетическому сотрудничеству в Азии проявлял не только Китай, но и Южная Корея с Японией. После того, как среднеазиатские нефть и газ потекли на Восток, Кремль решил перейти в наступление и на 25 миллиардов долларов китайского государственного кредита проложил 7000-километровый газовый и 5000-километровый нефтяной трубопроводы. В будущем Китай будет получать газ из Западной Сибири, а нефть – из разработанных всего на 10% месторождений Восточной Сибири. Удивительно, что Россия, постоянно требующая от своих европейских клиентов платежей по мировым рыночным ценам, в случае с Китаем согласилась на более низкую экспортную цену на газ. В будущем Китай должен получать ежегодно 30 миллиардов кубометров «голубого золота», что составит около одной пятой европейских экспортных объемов.

Первая из энерго-политических инициатив президента Медведева, когда-то занимавшего должность председателя совета директоров «Газпрома», была направлена на государства Средней Азии. Медведев предложил им проложить газопровод в Россию вдоль восточного берега Каспийского моря. Москва взяла бы на себя большую часть расходов на строительство. Целью этой акции было предотвращение строительства «Набукко», а также китайского газопровода. Таким образом, Россия нарушила неписанные законы «Большой игры». Когда во время финансового кризиса в Европе упал спрос на газ, Москва больше не захотела покупать его у Туркмении. Причиной для нарушения договора Москва назвала повреждение трубопровода, по которому «голубое золото» до этих пор текло на север. Ашхабад обвинил Москву в газовом саботаже, отвернулся от Москвы и присоединился к европейской идее газопровода «Набукко».

Однако, чтобы наполнить трубы «Набукко» газом, Туркменистан должен быть очень убедительным в переговорах с сопредельными государствами Каспийского бассейна, так как с момента развала Советского Союза велись горячие споры о правовом статусе его акватории. Несмотря на то, что находящиеся на шлейфе ресурсы углеводородов уже распределены, прокладка трубопровода требует согласия всех стран-совладельцев. Сейчас, например, Москва и Тегеран запрещают строительство облюбованного Западом транскаспийского подводного трубопровода, предназначенного для транспортировки среднеазиатского газа в Азербайджан.

В попытках избежать географической и политической изоляции Туркменистан присоединился к планам строительства газопровода длиной в 1600 километров, проходящего из Туркменистана через Афганистан и Пакистан к берегам Индийского океана. Этот шаг окончательно подорвал российскую транзитную монополию в Средней Азии. Газопровод «ТАРІ», который должен ежегодно прокачивать 33 миллиарда кубометров газа, открывает, прежде всего, американским концернам доступ к ресурсам Каспийского моря, помогая полностью изолировать Иран и ограничить российское влияние. Задачей НАТО является обеспечение безопасности проекта строительства.

Трубопровод «Южный поток» приобретает для России большее значение, чем «Северный поток». Многие эксперты придерживались мнения, что два трубопровода, проложенных из южного региона бывшего Советского Союза, коммерчески себя не оправдают. Между тем, ЕС приобретал значительную часть газа в виде СПГ на спотовом рынке. Газопровод начал терять свое уникальное значение. В конкурентной борьбе между «Набукко» (30 миллиардов кубометров ежегодно) и «Южным потоком» (63 миллиарда кубометров) Россия все же впереди.

Международный консорциум «Газпрома» с традиционными партнерами *ENI* и *Wintershal* представлен серьезно. Запланированные объемы газа гарантированы и куплены клиентами из Евросоюза. С многочисленными балканскими государствами Москва находится уже в заключительной стадии переговоров о трассе газопровода. На тот случай, если какой-нибудь балканской стране вздумается слишком повысить ставки, российская энергетическая дипломатия припрятала другие козыри. Кремль сталкивает лбами Бухарест с Софией, Белград с Загребом, Прагу с Братиславой. Разумеется, финансово ослабленные бывшие республики Югославии, Румыния, Болгария и Греция заинтересованы в миллиардных заработках на транзите газа через свои территории. С другой стороны, они не хотят оказаться между фронтами газовых проектов. Хотя ЕС и не мог обещать наполнить достаточным количеством газа газопровод «Набукко», он мог бы привлечь перспективной вступлением в него, что имело бы решающее значение, прежде всего для бывших республик Югославии. Тогда Италия проложила бы через море Трансатлантический газопровод в качестве продления для прокачки газа из Албании в Евросоюз.

Ключевую роль в энергоснабжении Южной Европы играет Турция. Эта страна вскоре может стать важнейшим распределителем российского и среднеазиатского газа на юге ЕС. Но Анкара ни в коем случае не хочет оставаться «только» транзитной страной. В ее планах – перепродажа чужих энергоносителей. Теоретически Турция могла бы «купаться» в природном газе. Через российский черноморский газопровод «Голубой поток» в Анкару будет ежегодно поступать 9 миллиардов кубометров газа. В будущем по газопроводам «Набукко» или «Южный поток» в страну может потечь дополнительный газ. Азербайджан, Туркменистан, Иран и Ирак – потенциальные поставщики газа, стоят наготове. Через Босфор и Дарданеллы турки контролируют транспортные маршруты танкеров, ведущие из российского черноморского региона в Европу. Таким образом, они также получают контроль над будущими поставками СПГ на Запад. В своей геополитической игре они не преминут воспользоваться этой геополитически ключевой позицией. Перед Анкарой непростой выбор: «Набукко», а с ним и повышение шансов вступления в Евросоюз или «Южный поток», а с ним возможность в высшей степени перспективного альянса с энергетической сверхдержавой Россией. Последнее радикальным образом изменило бы нынешнее геополитическое соотношение сил в черноморском регионе» [1, с. 154-160].

«В новогоднюю ночь 2005/06 года, когда повсюду на планете стреляли пробки шампанского, в центральном офисе «Газпрома» состоялась невиданная доселе миром демонстрация силы. По телевизору показали, как шеф «Газпрома» с холодной

улыбкой перекрывает газовый кран своей соседке Украине. Но что произошло? В рамках переговоров о вступлении России в ВТО Запад годами настаивал на повышении российских внутренних цен на газ и нефть до мирового рыночного уровня, чтобы не искажать конкуренцию на энергетическом рынке. Украина вступила в ВТО задолго до России. Киев ратифицировал Энергетическую хартию вместе с соответствующими законами о транзите. Таким образом, Киев принял западные правила игры. Однако страна постоянно имела задолженность по оплате российских газовых счетов. Каждый год Украина покупала природный газ из России на 10 миллиардов долларов США. К концу 90-х годов долговое бремя возросло почти до двух миллиардов долларов. Но каждый раз проблема долга решалась с помощью особых политических договорённостей. За задолженности рассчитывались в счёт оплаты за транзит российского газа и за аренду расположенной в Крыму базы российского Черноморского флота.

Москва постоянно пыталась заманить Украину в единое экономическое пространство и проявляла готовность в случае ее вступления на годы вперед снабжать Киев дешевым газом. «Газпром», приверженный идее восстановления бывшего советского энергетического комплекса, уже давно лелеял мечту завладеть стратегическими газотранспортными сетями Украины. Если бы Киев уступил газопровод России, то он смог бы получать сколько угодно газа по внутренней российской цене. Постоянная задолженность Украины происходила от того, что Киев был не в состоянии понизить потребление энергии и потому в больших количествах откачивал из газопровода для собственных нужд транзитный газ, предназначенный для Запада. Москва обвиняла Украину в воровстве, а Киев аргументировал тем, что пошёл бы на уступки в вопросах размещения российского Черноморского флота и транспортных тарифов.

Необходимо было найти выход из этого латентного конфликта. Через украинскую территорию проходило 80% поставляемого в Европу российского газа и почти четверть общего количества газа, импортируемого ЕС. Таким образом, Украина являлась транзитной страной стратегического значения. Путин и Шредер в 2002 году считали, что они были на пороге решения проблемы. Они разработали идею международного консорциума для украинской газопроводной системы. Более 90% украинской трубопроводной системы устарело. На модернизацию инфраструктуры по предварительным подсчетам требуется 15 миллиардов евро. Украинские трубы должны перейти во владение украинских, российских и европейских энергетических концернов, которые бы и оплатили их модернизацию. После этого газовый транзит осуществлялся бы на трехсторон-

ней основе. Однако украинское правительство объявило национальную транзитную систему не подлежащей продаже, а Парламент назвал ее важнейшим символом национального суверенитета. На самом деле Киев не хотел ни с кем делиться ежегодно получаемыми за российский транзит двумя миллиардами евро, составлявшими значительную часть государственного бюджета. Правительственные круги Москвы и Киева к тому же хотели сохранить коррупционные схемы в газовом бизнесе.

В 2004 году Украина стояла на пороге вхождения в единое экономическое пространство, но тут разразилась «оранжевая» революция. Пророссийски настроенный восточный украинец Виктор Янукович и прозападный Виктор Ющенко вступили в схватку за власть. Последний выиграл, после чего взял курс на быстрое вступление в НАТО и Евросоюз. Это привело к холодной войне между Москвой и Киевом. Путин предостерегал Ющенко от вступления в Североатлантический альянс. Историческая «колыбель» средневековой России, Киевская Русь, не должна была оказаться в чужом союзе безопасности. Когда украинский президент необратимо повернулся к Западу, Россия начала требовать от своей соседки оплату за газ по ценам мирового рынка. Но Ющенко не мог согласиться с повышением установленного тарифа с 40 до 100 долларов за кубометр и заморозил выплаты. В ответ на это «Газпром» перекрыл газ. Чтобы не замерзнуть, Украина, как и в прошлом, продолжила откачку горючего из экспортной трубы, ведущей на Запад.

ЕС был в ужасе. Впервые за последние 40 лет газовой торговли «братская» война славянских государств угрожала ощутимым дефицитом импорта энергии в Европу. Сначала Запад взял под свою защиту предположительно более слабого соперника – Украину. На Западе бытовало мнение, что поставкой дешевых энергоносителей Россия обязана компенсировать бывшим республикам СССР прошлую советскую колонизацию. Но ведь поставщик электричества так же «отрубил» бы электричество немецкому частнику, не заплатившему по счетам. Между Западом и Россией в то время существовало немало и других спорных моментов, так что рефлексивные обвинения в адрес России соответствовали определенной логике. Но Запад не заметил, что Украина использует свою транзитную монополию в качестве орудия шантажа по отношению к России (и ЕС) точно так же, как Москва применяет свою ресурсную монополию в качестве инструмента противодействия сближению Украины с Западом.

Газовая война со всеми вытекающими из нее негативными для европейского потребителя последствиями в последний момент была всё же предотвращена. Ющенко согласился на более высокую цену. Однако впоследствии газовый конфликт вспыхнул снова. Причины оставались теми же:

Москва требовала оплату по мировым ценам, Украина не платила, а страдал ЕС. Во время следующей газовой войны 2009 года поставки в некоторые страны ЕС на Балканах прекратились. Люди мерзли. Чтобы не потерять свой западный бизнес, «Газпром» выполнял обязательства по отношению к государствам Евросоюза, пытаясь поставлять заказчикам обещанный газ через транзитные газопроводы. Но внезапно газовую трубу перекрыли. Украинская сторона использовала газопровод для того, чтобы перекинуть газ с запада страны в индустриальные восточные районы, остро нуждающиеся в топливе. Брюссель проявил растерянность и бессилие. ЕС оказался заложником «братской» войны между Россией и Украиной.

Час расплаты для обеих стран наступил позже. Однако, сперва Брюссель должен был разнять «бойцовских петухов». Это было легче сказать, чем сделать, потому что теперь на Украине открылся внутренний фронт. В газовом конфликте президент Ющенко и премьер-министр Тимошенко занимали разные позиции, а Путин умело столкнул их лбами. В переговорах с Тимошенко Путин достиг половинчатого компромисса: Украина согласилась с российскими ценами, а за это сомнительную фирму «РосУкрЭнерго», по слухам, финансировавшую партию Ющенко, заменили на другого посредника – «Нафтогаз», который, в свою очередь, был близок Тимошенко. В ответ на это Ющенко предложил Евросоюзу идею создания международного консорциума для технического обслуживания и управления украинской газотранспортной системой – но без России. То, что «Газпром» не должен был войти, было бессмысленной затеей, так как газопроводы можно было наполнить только российским газом.

К сожалению, для Восточной Европы одним энергетическим конфликтом дело не обошлось. Холодной зимой 2007 года Россия перекрыла газовый кран другой стране – своему ближайшему союзнику – Беларуси. Как и Украина, Беларусь получала нефть и газ по сниженным тарифам. За это Минск не повышал плату за размещение российской военной базы в Барановичах на белорусской территории. Конфликт, собственно, разгорелся вокруг нефти, а не вокруг газа. Еще с советских времен в Беларуси остался ряд нефтеперерабатывающих заводов, снабжаемых субсидированной сибирской сырой нефтью. На ее переработке российская индустрия сама ничего не зарабатывала. Россия дождалась момента, когда экономика Беларуси придет в такой упадок, что Минск будет готов продать ей весь свой энергетический комплекс, включая нефтеперегонные заводы и трубопроводы.

Однако прогнозируемый экономический крах, который мог бы принудить страну к продажам, все не наступал. Русские теряли терпение. К этому прибавился и тот неприятный факт, что белорусы само-

вольно перепродавали купленную по российской внутренней цене нефть по ценам мирового рынка. Российская нефтяная индустрия теряла огромные барыши. Перекрыв нефтяной кран, Путин попытался сделать белорусского автократа Александра Лукашенко посговорчивее. В ответ на это Беларусь откачала необходимое количество сырой нефти из ведущего в Европу транзитного нефтепровода. Спор так никогда и не был улажен. До сегодняшнего дня Москве приходится оплачивать экономическую реинтеграцию Беларуси по самой высокой цене.

Неудивительно, что победителем из всех этих энергетических перипетий вышел «Северный поток», ранее подвергшийся резким нападкам. Через него можно было бы ежегодно без всяких проблем перекачивать в Европу 55 миллиардов кубометров российского природного газа в обход ставших нестабильными транзитных стран Украины и Беларуси. Процедура утверждения строительства Северо-Европейского газопровода плавно пришла к своему завершению в 2010 году, хотя некоторые соседи по Балтийскому региону высказывали диковинные опасения по поводу этого проекта. К примеру, в Швеции поползли слухи, что Россия планирует контролировать газопровод с помощью военных кораблей. В 2011 году была сдана в эксплуатацию первая нить газопровода. Строительство «Северного потока» было призвано обеспечить долгосрочную добычу газа в недоступных до тех пор регионах Северо-Западной Сибири. Кроме того, страны Евросоюза получили возможность создать резервы природного газа на случай возникновения кризиса, а немецкие энергетические фирмы – исторический шанс вхождения непосредственно в бизнес добычи «голубого золота». Долгосрочной целью «Северного потока» является снабжение газом Северной Европы, в основном Великобритании. У Норвегии и Великобритании с их постепенно иссякающими газовыми ресурсами, собственно, нет альтернативы российскому природному газу.

Чтобы еще больше упрочить свои позиции в транзите газа в Европу, Россия одновременно начала строительство «Южного потока», пролегающего через Черное море и Балканы в направлении центра Европы. По нему можно было бы дополнительно прокачивать 65 миллиардов кубометров газа. «Северный» и «Южный поток» совместно могли бы обеспечить Европе треть необходимых до 2030 года объемов газа. Киев пришел в ужас, осознав, что ввод в действие этих двух газопроводов приведет к потере страной двух третей сегодняшнего объема транзита.

Перевыборы Ющенко произошли вовремя. Новый президент Янукович в энергетической политике произвел поворот на 180 градусов. Место европейских политиков в Киеве заняли Путин и Медведев. Старые табу исчезли. Новое правительство было го-

тово согласиться на требования русских войти в долю в газовом транзите и даже продать национальные газотранспортные сети «Газпрому», лишь бы остановить строительство «Южного потока». Ещё год назад какой-нибудь выдвинувший такое предложение украинский политик был бы обвинен в государственной измене. Но у Януковича не оставалось другого выхода. Евросоюз в свою очередь тоже оставил Украину на произвол судьбы и присоединился к сторонникам строительства газопровода «Набукко». Но в реализации этого проекта не Украина, а Турция должна была взять на себя роль важнейшей транзитной страны в транспортировке природного газа с юга бывшего Советского Союза. Прежде всего, за «Набукко» выступали Балтийские страны, на 100% зависящие от поставок российского газа. Четыре других центрально-европейских государства были зависимы от «Газпрома» на 70%. Газопровод «Набукко» отвечал стратегическим интересам ЕС, желающего избавиться от российской энергетической зависимости. В этом плане на Украину было трудно положиться. В отчаянии Киев теперь предлагал доленое участие в своей газопроводной системе как России, так и ЕС. Украинская сторона спрашивала Евросоюз, не может ли он покупать газ на ее восточной границе. В свою очередь Путин апеллировал к Украине, призывая ее отказаться от соглашения о зоне свободной торговли с ЕС и вступить в таможенный союз с Россией, Беларусью и Казахстаном. Преимущество этого варианта: российский газ стал бы дешевле. Недостаток: о заработке на транзите газа через украинскую территорию можно было бы забыть.

Какие защитные меры принимает Запад?

Ведущие политики ЕС пытались предостеречь Украину от сближения с Россией, однако Янукович остался непоколебим. Вот уже на протяжении 20 лет Украина вела переговоры с Евросоюзом о безвизовом режиме, зоне свободной торговли, а также статусе ассоциированного государства, и не хотела навечно застрять в очереди ожидающих. Евросоюз удивлялся притязаниям Киева. Другие страны – например, Польша – безропотно принимали все критерии для вступления в ЕС и пытались их выполнить. Какие-либо требования они начали выдвигать лишь после того, как стали членами Евросоюза. Украина же в дискуссиях с Брюсселем постоянно торговалась по поводу вообще не подлежащих обсуждению критериев. На заднем плане украинской политики все время маячили проблемы, связанные с поставками российского газа.

«В последующие два-три года Европе не понадобится русский газ», – писала газета *Financial Times* в декабре 2009 года. Внезапно европейский энергетический рынок был наводнен импортированным газом. В США появилась новая технология, революционизировавшая газодобычу. В одночасье

страна оказалась самым крупным производителем «голубого золота» в мире, обогнав Россию. Президент Обама радостно оповестил своих граждан о том, что в скором будущем его граждане смогут активнее ездить на автомобилях, заправляемых природным газом. Американцы на долгое время обретут полную независимость от импорта газа из Персидского залива. С помощью новых технологий добычи, таких как гидроразрыв пласта и горизонтальное бурение, его можно высасывать из таких нетрадиционных источников, как, например, сланцевые породы и плотные песчаники.

Собственно говоря, эти технологии добычи известны еще с XIX века, но их применение считалось слишком дорогостоящим. Сейчас, когда обычный газ из газопровода все дорожает, а зависимость от малочисленных производителей возрастает, индустриальным странам стоило задуматься о возможной целесообразности добычи газа посредством этих новых буровых технологий на собственной территории. Европа и Азия тоже обладают огромными запасами сланцевого газа. Американская индустрия моментально распознала открывшиеся конъюнктурные возможности и стала продавать технологии газодобычи в Китай и Европу. В Европе повсеместно начались пробные бурения.

В ЕС потирали руки, особенно – критически настроенные по отношению к россиянам поляки. Получалось, что их страна вышла бесспорным победителем сланце-газовой революции, так как именно в ее недрах геологи разведали крупнейший потенциал газодобычи. Польские политики, которые раньше призывали к основанию «энергетической НАТО» для защиты от российского энергетического империализма, ликовали: Польша одним махом освободилась от энергетической зависимости. Однако из лагеря экологов послышались предостережения: добыча сланцевого газа может негативно сказаться на экологии. Помимо буровых вышек, обезображивающих ландшафт, на местах добычи из технических соображений должны быть возведены сложные гидросооружения, работающие на химических реактивах. Вставала реальная угроза масштабного загрязнения окружающей среды. Большинство месторождений сланцевого газа располагается в заповедных зонах или на частных территориях. Законодательство Евросоюза сделало революцию сланцевого газа в Европе невозможной, в противоположность США.

Эта технологическая революция вызвала дебаты среди отвечающих за энергетику политиков. Противники таких методов добычи считали, что избалованные природными красотами европейцы никогда не допустят, чтобы вдобавок к бесчисленным ветрякам, которые уже сегодня портят вид на леса и луга, в небо выступали еще и высоченные буровые вышки. Сторонники же, напротив, радовались ско-

рому избавлению от энергетической зависимости от России, а также тому, что в их стране природный газ в скором времени будет в избытке. Даже если добыча газа вестись не будет, одно то, что он есть, исключит в будущем какой бы то ни было шантаж и избавит от угроз перекрытия газового вентиля.

«Газпром» на самом деле оказался со всех сторон окружен конкурентами. Переход США на добычу собственного сланцевого газа привел к тому, что Америка отказалась от покупки сжиженного газа (СПГ) из стран Персидского залива и начала думать об экспортировании его в скором времени в Азию и Европу. Теперь Катар и другие страны Персидского залива отчаянно бросились на поиски других покупателей добываемых и сжиженных энергоносителей. Флотилии танкеров двинулись к берегам Европы, где ЕС, озабоченный диверсификацией импорта газа, с благодарностью брал товар. Особенно радовались государства Центральной и Восточной Европы, так как они годами пеклись о финансируемых Евросоюзом СПГ-терминалах на польском побережье Балтики, которые освободили бы их от российской зависимости. Торговля СПГ существовала и раньше, но не в таких объемах. Ежегодный прирост мирового экспорта СПГ на 10% изменил международную торговлю, возник спотовый рынок. С тех пор как доля СПГ в общем объеме мировых продаж газа достигла одной четверти, стало возможным свободно приобретать природный газ, так же как и сырую нефть, в торговых портах Роттердама. Некоторые эксперты начали считать, что газопроводы и долговременные контракты остались в прошлом. Газовый рынок тоже будет развиваться по собственным законам и станет независимым от цен на нефть. Россия сама участвовала в формировании рынка СПГ. Из-за отсутствия газопроводной сети экспорт газа с Сахалина в Японию и другие восточноазиатские страны осуществлялся исключительно в сжиженном виде. Россия усиливала свои транспортные мощности для перевозок СПГ на Черном и Балтийском морях, для чего были переоборудованы береговые терминалы. Все же у России нет повода для особых переживаний из-за роста торговли СПГ. Эксперт по энергетике Карстен Сандер считает, что в будущем именно сжиженный газ заменит сокращающуюся добычу в ЕС. Газ из газопроводов и в дальнейшем будет необходим.

Если цена на газ больше не будет завязана на цену на нефть, то она действительно может снизиться из-за избыточного предложения и падающего спроса. На ежегодной газовой конференции, проходившей в Берлинском отеле «Адлон», кто-то громко спросил: «Кто же теперь спасет „Газпром“?» Российские энергетические бароны, занимающие места на подиуме, слегка посмеивались: Евросоюз всегда хочет выходить победителем, однако когда наступит следующий энергетический кризис, бедная ре-

сурсами Европа снова ослабнет. Цены на энергию не упадут ниже отметки в 100 долларов, так как энергоносители еще долго будут пользоваться высоким спросом в Азии. Поскольку газ в экологическом плане остается самым чистым энергоносителем, а Запад после аварии на АЭС «Фукусима» не может ожидать возрождения атомной энергетики, то для производства электроэнергии он может делать ставку лишь на новые газоконденсатные заводы. Из всех ископаемых энергоносителей газ в наименьшей степени способствует возникновению парникового эффекта. Он даже способствует сохранению окружающей среды. Даже «Гринпис» рекомендует природный газ как единственную реальную промежуточную технологию на этапе перехода к использованию возобновляемых источников энергии. Природный газ не загрязняет окружающую среду, гибко регулируем и надежно доступен. Запад не должен паниковать, ведь после того, как ресурсы Западной Сибири будут израсходованы на 80%, начнется добыча природных богатств из ларца Восточной Сибири. Так что нынешний легкий спад в добыче на действующих месторождениях будет с лихвой компенсирован. России нужны 300 миллиардов долларов инвестиций, примерно половина из которых уйдет на транспортировку газа, треть – на производство и одна шестая – на хранилища. Сейчас добыча ориентирована на Ямал, Дальний Восток и в направлении Северного Ледовитого океана. Москва рассчитывает, что 12% необходимой инвестиционной суммы придет с Запада. Законы об иностранных инвестициях в российский энергетический сектор соответствующим образом либерализованы.

Один немецкий промышленник только головой качает: хотя Россия и предприняла некоторые осторожные попытки, до сих пор она показала лишь ограниченную готовность к структурным реформам, в которых нуждается «умная» экономика. Российское законодательство слишком часто меняется, а процесс принятия решений не прозрачен. Невозможно же, в конце концов, из-за каждой мелочи бежать напрямик к Путину. Один чиновник из министерства экономики подчеркивает значение возобновляемых источников энергии. Москва тоже осознает необходимость энергетической реформы, но при этом не ставит перед собой слишком амбициозных целей по меркам индустриальной страны. Россия сделала ставку на интенсивный рост экономики при постепенном снижении загрязнения окружающей среды. В Российской экономике много изъянов. Она бюрократична, слишком централизована и не инновационна. Последней, однако, она должна стать, чтобы выстоять в условиях жесткой международной конкуренции. Этому ей стоило бы поучиться у Китая. Еще несколько лет назад Запад думал, что Китай далек от мыслей о необходимости охраны природы и проведения климатической политики.

Китайцев, как считали на Западе, интересует только рост собственной экономики любой ценой. Но совершенно неожиданно курс китайской политики круто переменялся в сторону усиления защиты климата. Что произошло? Китайское руководство осознало, что развитие экологически чистых и энерго-сберегающих технологий имеет большое будущее. И Китай ни в коем случае не желает оставаться в стороне от этой новой индустриальной революции.

Шёпот прошёл по ряду впереди сидящих русских. Эра ископаемого топлива продлится еще долго. Добывать его, как и раньше, дешевле и технологически более выгодно, нежели из-за необоснованных страхов воображаемой энергетической зависимости, вручить судьбу экономики ветру, солнцу и воде. Россия запаниковала: она не могла позволить себе потерять свой важнейший потребительский рынок.

В 2000 году председатель Еврокомиссии Романо Проди первым из западных политиков предложил создать зону свободной торговли Россия – Евросоюз. Ядром интеграции должен был стать Энергетический альянс. В 2010 году подобное предложение Путина в Берлине было отклонено. Что же такое случилось за эти 10 лет, что обе части Европы, ЕС и Россия, настолько отделились друг от друга? Одной из причин недоверия Запада наверняка стал страх перед русским энергетическим империализмом. В 90-е годы Евросоюз разработал Энергетическую хартию, которая в будущем должна была поставить энергоснабжение континента на стабильную основу. Россия не ратифицировала это соглашение, потому что ни с кем не хотела делить свою транзитную монополию на сеть трубопроводов, ведущих в Европу. Другие производители энергии – США и Норвегия – не поддержали Энергетическую хартию из тех же самых соображений. Амбициозная цель ЕС – с помощью Энергетической хартии обеспечить европейские концерны лучшим доступом к российским рынкам добычи – также не была достигнута.

Но ЕС неуклонно продолжал реформу своего внутреннего энергетического рынка, считая ключом к энергетической безопасности либерализацию прежде строго регулируемого энергетического рынка. Эта цель должна была быть достигнута с помощью обострения конкуренции. Так появился пакет мер по либерализации энергетического рынка¹ который в 2011 году был принят государствами Евросоюза. Согласно новым правилам на одном энергетическом предприятии разные сферы деятельности должны стать независимыми друг от друга, что укрепит их конкурентоспособность. Для энерго-

снабжения по трубопроводам это означает, что такие сегменты, как производство (добыча), торговля (обслуживание клиентов) и транспортировка (сети, трубопроводы), в электроэнергетике и газовом секторе больше не могут принадлежать одному предприятию. Концерн «Газпром», являвшийся производителем и поставщиком в одном лице, а также участвовавший в сбыте газа через совместные с европейскими фирмами предприятия, стал жертвой реформы, направленной на либерализацию отрасли.

Но что еще хуже: некоторые государства ЕС лишили «Газпром» права единолично управлять газопроводами, в которые монополист инвестировал миллиарды. Как крупный производитель, он еще мог надеяться стать исключением из правил и дальше вести свои газовые дела с ЕС, однако его экспансия на западный рынок была жестко ограничена. Разъяренный Путин обвинял Брюссель в негласной экспроприации имущества «Газпрома». Россия годами мечтала о прямом доступе к «downstream»-структурам (переработка сырья и сбыт готовой продукции, например, нефтеперерабатывающий завод). Евросоюза. Посредством долевого участия в предприятиях и открытия торговых представительств в ЕС можно было бы единолично получать доходы, которыми до этих пор приходилось делиться с посредниками. Но новые правила разделения этого не допускали. Евросоюз успешно защищался от поглощения странами третьего мира.

Европейская стратегия диверсификации продвинулась еще дальше. Наряду с переоснащением терминалов для импорта СПГ из Латинской Америки и Среднего Востока были проложены новые трубопроводы из Северной Африки в Южную Европу. Внутри Евросоюза возникла общеевропейская трубопроводная система, предназначенная на случай прекращения поставок газа из третьей страны в какую-нибудь страну-член ЕС. В этом случае нуждающаяся страна стала бы сразу получать энергоносители. Одним из центральных элементов этой диверсификации стал газопровод «Набукко», идущий из Центральной Азии. В отношении ядерной энергии каждое из государств заняло собственную позицию. Например, Франция не могла отказаться от нее из политических убеждений. Атомная промышленность сделала *Grande Nation* независимой от энергетического импорта. ЕС провозгласил амбициозные цели по защите климата. До 2050 года выброс углекислого газа в атмосферу по сравнению с 1990 годом должен снизиться на 95%. Электричество будущего в основном должно вырабатываться ветряными генераторами и солнечными батареями. ЕС

¹ Разрушение монополярной структуры рынков за счет разделения функций добычи/генерации, транспортировки и распределения. Разделение функций изначально было возможно в нескольких вариантах: раздел собственности, юридическое разделение, разделение менеджмента и бухгалтерского учета.

чётко выступил за развитие возобновляемых источников энергии, доля которых в европейском энергетическом балансе через 10 лет должна составить 20%. С помощью целенаправленного содействия технологиям энергосбережения ЕС планирует сделать дальнейший решающий шаг для снижения зависимости от импорта энергоносителей.

Россия выстраивает картель? Все, что происходило в конфликтах между Россией и ЕС, больше не имело ничего общего с заявленными целями создания Энергетического альянса – благодаря которому России могла бы политически сблизиться с Западом. Вместо того, чтобы сильно не навредить друг другу, каждая из сторон, наоборот, ожесточенно отстаивала собственные преимущества. Это породило недоверие, которое невозможно было быстро рассеять. В основу запланированного энергетического альянса должны были лечь принципы равноправного делового партнерства. Европейские фирмы готовы были инвестировать в разведку, освоение и добычу энергоносителей (то есть «upstream»). Для этого им требовались подходящие партнеры, предпочтительно «Газпром». Российские фирмы, в свою очередь, проявляли желание поставлять энергоносители напрямую европейским клиентам. Немцы называют это «взаимностью». Почему же процесс застыл?

Генеральный директор «Газпрома» Миллер сидит в шикарном берлинском отеле в окружении европейских журналистов и разъясняет им принципы российской энергетической политики. После газового конфликта с Украиной строительству «Южного потока» альтернативы нет. Его взгляд обращается в сторону представителя *BASF* («Бадише анилино-унд сода-фабрик» – крупнейший в мире германский химический концерн) в России. Через три месяца этот концерн через свою дочернюю фирму, компанию *Wintershall*, присоединится к консорциуму. *Wintershall* также входит в консорциум по строительству «Северного потока». «Южный поток» – последний крупный российский инвестиционный проект в Европе, после чего «Газпром» повернется лицом к азиатскому рынку. 11% будущего газа будет экспортироваться в виде СПГ. Экспорт энергоносителей в азиатско-тихоокеанский регион через 20 лет должен многократно превысить сегодняшние объемы поставок. В Азии, как говорит Миллер, на наших глазах происходит автомобильная революция, моторы, работающие на газе, имеют высокую конъюнктуру. ЕС, с учетом того, что российский газ необходим и для внутреннего потребления, не должен пренебрегать партнерством с Россией.

Миллер смотрит из окна на Потсдамскую площадь. «Сколько немецких машин переоборудовано под природный газ?» – спрашивает он присутствующих. С бензином покончено, из экологических соображений мы все будем вынуждены перейти на газ.

А Россия его поставляет. Миллер предлагает проложить между Берлином и Москвой автобан, по которому будет разрешено ездить только машинам с газовыми двигателями. Энергетический пакет – план либерализации энергетического рынка – он называет «скрытой субсидией для регенеративных источников энергии». Гости усердно записывают за ним. Заказывают минеральную воду – «естественно, с газом», – подтрунивает кто-то. Достаточно ли у России газа на экспорт? Миллер морщится. Добыча газа зависит от торговых договоров, «Газпром» добывает ровно столько газа, сколько до сих пор было продано. Во время финансового кризиса добыча газа упала, так как снизился спрос. Кто-то задает вопрос о газовом картеле. Генеральный директор Миллер парирует: нужно быть сумасшедшим, чтобы шантажировать Европу.

Россия, Средняя Азия и Иран владеют более 50% мировых запасов газа и теоретически могли бы организовать мощнейший картель, по своей значимости равный ОПЕК, государства-члены которой контролируют 75% мировых запасов нефти. Идея газового картеля исходила вовсе не из Кремля, а от казахского президента Нурсултана Назарбаева, который вскоре после 11 сентября 2001 года поделился ею с Путиным. Газовая ОПЕК должна была охватить Россию и все страны Средней Азии, образовав противовес нефтяной ОПЕК. Азербайджан также поддержал это предложение. Однако США сразу же вмешались и сорвали проект еще до его рождения. Лишь пять лет спустя к этой идее снова вернулись. Согласно одному тайному отчету НАТО, после своей первой газовой войны с Украиной в 2006 году Россия вместе с Алжиром, Катаром, Ливией и Ираном хотела основать такой картель.

В 2007 году иранский президент Махмуд Ахмадинежад на фоне «ядерного спора» с Западом стал агитировать за создание ОПЕК, чтобы с помощью членства в этой организации избежать международной изоляции. В ответ на это конгресс США принял резолюцию против газовой ОПЕК, которая требовала от президента Буша привлечь к суду любые государства, стремящиеся к участию в международной картели. Это было время, когда американцы также угрожали русским созданием энергетической НАТО. В 2009 году никогда не уклонявшийся от споров с США венесуэльский президент Уго Чавес примкнул к кругу сторонников картеля. С целью сохранения «газового суверенитета» он совместно с Боливией создал региональную «газовую ОПЕК». В 2008 году в Москве был учрежден Форум стран-экспортеров газа (ФСЭГ). Первая встреча форума – в свободной форме – состоялась в 2001 году в Тегеране. 15 государств примкнули к основанной по образцу ОПЕК организации. Все вместе они владели более чем 70% всех мировых газовых запасов. Но какую совместную стратегию должен был преследо-

вать ФСЭГ в будущем? В конечном счете, газодобытчиков объединяло одно общее стремление – прибыльно, в том числе и политически, использовать свои ресурсы. Москва требовала согласования по вопросам прокладки трубопроводов к рынкам потребления. Арабские страны настаивали на ускоренном развитии транспортировки СПГ. Финансовый кризис привел к глобальному спаду потребительского спроса. Страны-члены нового картеля пытались достичь договоренностей против падения цен на газ. Но особых успехов при этом не достигли.

В рамках «газовой ОПЕК» Москва по большому счету нацеливалась на договоренность с алжирским газовым концерном *Sonatrach*. Чтобы Россия простила Алжиру старые советские долги в размере 4,5 миллиарда долларов и заключила контракт на поставки российской военной техники и вооружений на 7,5 миллиарда долларов, обеим странам в рамках будущей «газовой ОПЕК» нужно было вступить в стратегическое партнерство. Совместные поставки государственных концернов этих стран составляли 40% всего потребляемого ЕС природного газа, и это не могло не вызывать у Евросоюза некоторого беспокойства. Французское предприятие *Gaz de France* вновь вошло в альянс с дистанцирующимся Алжиром.

В настоящее время ФСЭГ еще очень далеко до «газового ОПЕК». Отдельные экспортеры газа хотят координировать свою политику на будущем, ещё не созданном мировом рынке газа, но хотят при этом сохранить свободу действий. Возникнет ли картель – зависит от России. Москва отказывается принять на себя руководящую роль в новой организации, пока к ней не присоединились все среднеазиатские государства. При этом речь идет снова о сохранении транзитной монополии на постсоветском пространстве, без которой Россия не может играть роль энергетической сверхдержавы. Но государства Средней Азии в качестве партнера открыли для себя недавно Китай.

Потребители, производители и страны-транзитёры должны следить за тем, чтобы в их энергетических отношениях не появлялись трещины. Возникла угроза, что в противном случае могут возникнуть три картеля: закрытый рынок ЕС, транзитный картель западных стран СНГ и «газовая ОПЕК». Ни у кого не возникает опасений, что газовый картель может перекрыть Европе газовый кран. Правда, ЕС должен принять упрек в протекционизме. Если Европа посредством либерализации газового рынка в одностороннем порядке изменит заключенные на многие годы вперед и признанные экспортерами долговременные договора и другие правила игры, то логично, что зависящие от стабильных доходов производители станут активнее договариваться между собой. Надежность поставок для импортеров отражается в стремлении экспортеров получить гаран-

тии продаж. В действительности и те, и другие зависят друг от друга. Чтобы разрешить энергетический спор, российский президент должен представить новый вариант речи, которую Путин произнес в Бундестаге в 2001 году. Вместо неопределенных обещаний обмена энергоносителей на технологии он должен внести более конкретные предложения. Для осуществления идеи Энергетического союза необходима широкая историческая перспектива, возможно, в виде общеевропейского проекта экономического развития Сибири и Восточной Европы» [1, с. 161-182].

«В России, как и повсюду на Земле, телевизионные кадры атомной катастрофы в Фукусиме вызвали оцепенение. В отличие от Чернобыльской аварии, случившейся 25 лет назад, на этот раз население страны информировалось о ситуации в том же объеме, как и на Западе. Редко общественное мнение так сильно расходилось с официальными высказываниями властей. В то время как правительство было за атомную энергию, большинство русских, если верить опросам, ее отвергали. 55% допускали, что подобная катастрофа может произойти на одной из российских АЭС. При этом только 9% респондентов считали необходимым отказ от атомной энергетики.

Отголоски ядерной катастрофы наиболее громко звучали и на Дальнем Востоке. Многие опасались радиоактивного заражения Тихого океана. Все продукты питания из Японии строго проверялись. В популярном телешоу «Судите сами» сторонники и противники ядерной энергетики не на шутку сцепились друг с другом. Бывший министр ядерной энергетики попытался их успокоить: при взрыве на японском ядерном реакторе почти не было жертв, как, впрочем, и в Чернобыле. (Люди умирали позже от последствий катастрофы и стресса!) Российские АЭС находятся в безупречном состоянии. С точки зрения статистики такие катастрофы, мол, угрожают лишь раз в несколько тысяч лет. Публика в зале негодовала, один ученый обозвал бывшего министра лжецом. Российский представитель МАГАТЭ поведал, что атомный надзор еще несколько месяцев назад обнаружил ошибки в работе атомной электростанции Фукусима. Ведущий спросил, не ослышался ли он.

Другие участники дискуссии вспомнили, как в 90-е годы на многочисленных атомных электростанциях бастовал технический персонал, так как ему месяцами не выплачивали зарплату. Для защиты атомных сооружений не хватало обученных служб безопасности, журналисты сообщали о бабушках с оружием в руках, несущих ночной караул перед дверьми опасных объектов. Многие физики-ядерщики, буквально голодавшие в России, сманивались за границу для реализации сомнительных ядерных проектов, к примеру, в Ливии. Ядерный материал в

те годы был легко доступен для криминальных действий. Во времена Советского Союза боялись ядерного удара извне, в 90-е годы угроза исходила изнутри. Органы работали друг против друга. Тогда никто в России не мог назвать точного количества производимых радиоактивных материалов. Из этого следовал вывод, что такого ни в коем случае нельзя больше допустить.

Вице-спикер Госдумы Язев, курировавший вопросы энергетики, призвал проверить все российские и мировые ядерные реакторы, однако, подчеркнув при этом, что Россия будет «однозначно повышать» свой ядерный потенциал. Россия будет строить безопасные атомные электростанции, примером чему стала АЭС в Армении, выстоявшая во время ужасного землетрясения в конце 80-х годов. Далее Язев напомнил о том, что Россия владеет крупнейшими урановыми месторождениями после Австралии и Казахстана. Мировых запасов, однако, хватит лишь до 2060 года. Таким образом, уже во второй половине этого столетия ядерная эра вместе с эпохой горючих ископаемых из-за нехватки сырья придут к концу.

Во время ядерной катастрофы в Японии Москва проявила большую солидарность с попавшим в беду соседом. Путин распорядился обеспечить Токио дополнительным количеством газа, направил в Японию большой отряд международных спасателей, которые с помощью специального оборудования занимались поисками заваленных во время землетрясения людей. В конце концов он лично отправился на границу с Японией. Правительство не помышляло об отказе от атомной энергии. Медведев предостерегал от паникерства. Все же Россия была ядерной державой, обладала вторым по величине ядерным арсеналом на Земле, проводила ядерные исследования на высочайшем уровне и разрабатывала ракеты на ядерном топливе для будущих космических полетов к другим планетам. Национальная экономика получала прибыль от достижений комплекса ядерных вооружений, а правительство планировало сделать ядерную промышленность двигателем экономической модернизации. Энергетическая стратегия была определена до 2030 года. Она должна остаться непоколебимой. Кроме того, ядерная энергия означает рост благосостояния в России, который достигим лишь при возрастающем потреблении энергии.

Долю атомной энергии в национальном энергетическом хозяйстве Россия планирует в течение следующих 20 лет увеличить с сегодняшних 16% до уровня в ЕС – 30%. Она должна заменить горючие ископаемые, поскольку львиная доля добываемых нефти и газа требуется для поддержания валютно-прибыльного экспорта. Кроме того, ядерная энергия поможет снизить выбросы углекислого газа на 15%.

Государственный монополист «Росатом» был создан в 2004 году по подобию «Газпрома». Он отвечает за техническое обслуживание и строительство новых АЭС. Первоначальные планы частичной приватизации гражданского ядерного сектора были сразу отвергнуты, а вместо этого достигнуты договоренности о стратегическом сотрудничестве с такими иностранными предприятиями, как *Toshiba* и *Siemens*. Но в секретных проектах военной промышленности России ее иностранные партнеры, разумеется, участия не принимали. Целью властей было сделать «Росатом» крупнейшим международным атомным концерном, который сможет конкурировать в борьбе за подряды на строительство АЭС по всему миру.

При этом правительство хвалилось тем, что 10% из 600 ядерных реакторов, которые до 2030 года планируется построить в мире, будут находиться на территории России. Сегодня доля России на мировом рынке строительства АЭС составляет 20%. Овчинка стоит выделки, стоимость строительства одного ядерного реактора составляет 3,5 миллиарда долларов. Сделки совершаются в Китае, Центральной Европе, Иране и на соседних территориях. Россия сама планирует построить до 2020 года 30, а до 2030 года – 40 новых, современных и быстрых реакторов-размножителей с высочайшей степенью безопасности и наибольшей экономической эффективностью. Эта технология считается экологичной, так как отработанное ядерное топливо возвращается в ядерный цикл. Затраты на модернизацию российской ядерной промышленности составят примерно 60 миллиардов долларов. Существует насущная потребность в строительстве новых ядерных реакторов, так как АЭС, оставшиеся с советских времен, устарели. Поэтому вместо восстановления старых государство инвестирует средства в строительство новых реакторов.

В 2005 году Москва предложила Ирану создать совместное предприятие по обогащению урана для иранской гражданской АЭС «Бушер» на российской территории. Как известно, международное сообщество запретило Ирану проводить высококачественное обогащение урана на собственной территории – из страха перед угрозой создания там ядерной бомбы. МАГАТЭ поддержало эту идею при условии, что это предприятие будет находиться под его контролем. До сих пор Россия поставляет в «Бушер» частично обогащенные топливные стержни, чтобы «скормить» их реактору для использования ядерной энергии в мирных целях. При этом Россия обязана забирать отработанные топливные стержни для утилизации. После того, как Иран заключил еще одно соглашение о поставках урана из Турции, Совет Безопасности ООН ужесточил санкции против «режима мулл» [1, с. 183-187].

«Потенциальные причины возможных конфликтов той или иной степени интенсивности... – это и сырьевые конфликты, и конфликты идеологические. Они обладают опасным свойством синергии – то есть взаимного подпитывания. Местная, локальная война на идеологической основе, как, например, в Афганистане, не дает разрабатывать там ценные и дефицитные полезные ископаемые, что приводит к росту цен на них на мировом рынке и делает возможным их добычу в другой части земного шара, что улучшает там материальное состояние масс и приводит к крупнейшим политическим изменениям.

Эта взаимосвязь представляет собой весьма сложную систему, которую не в состоянии просчитать ни один, самый мощный компьютер. Связано это с тем, что в поступках конкретных человеческих личностей скрыта не только логика, но и личные эмоции, страсти... Решения зачастую могут приниматься вообще не в здоровом состоянии, а в пьяном виде, под дурманом наркотиков. Но и коллективные решения зачастую не блещут логикой, поскольку на эмоциональной волне можно принять любую резолюцию, последствия которой никто на площади или даже в парламенте просто не успеет обдумать.

Поэтому аналитики всего мира создают даже не прогнозы, которые базируются на более-менее точных данных и математически разработанных моделях, а так называемые сценарии – варианты развития событий, которые хотя и подкреплены теми или иными фактами, но все же в них больше доля интуитивных озарений. К анализу этих сценариев мы вернемся позже, а сейчас самое время понять – а вообще зачем нужна война?

Краткий анализ: варианты войны. Война идеологическая Такие войны были всегда. Даже когда войну устраивали за банальный передел территорий. Но всегда были люди, которые верили в то, что прежде всего – это идея. Мы знаем войны за веру между католиками и гугенотами, Крестовые походы и, разумеется, гражданские войны как в США, так и в России.

Вторая мировая война так же была в значительной степени «войной за веру». После нее началась подготовка к еще более тотальному противостоянию. И в течении полувека глобальная война представлялась в виде ядерного катаклизма, в котором главные противоборствующие стороны – СССР и США разделены идеологически. Причем ни о какой реальной выгоде тогда речь не шла – было абсолютно понятно, что в атомном кошмаре существующая цивилизация погибнет.

Осознание этого факта было выражено во фразе британских пацифистов, которую приписывают известному ученому и общественному деятелю Бертранию Расселу: «Лучше быть красным, чем мертвым» (Better red than dead), которая в США

быстро была перевернута антикоммунистами: «Лучше быть мертвым, чем красным». Хотя вообще-то сами американские источники относят ее авторство к Йозефу Геббельсу, который заявил это в преддверии падения Берлина.

Американские антикоммунисты во главе с сенатором Джо Маккарти видели опасность именно идеологическую, не опускаясь до низких материй. Главное, что они видели в советском строе, – это безбожие (то есть войну с религией), разрушение консервативных устоев и основы прав собственности. Попутно коммунисты обвинялись как сторонники разврата, гомосексуализма и расовой нечистоплотности (в то время в США официально существовало расовое неравенство). Парадокс – в XXI веке россияне с точки зрения американских демократов истовые маккартисты.

С другой стороны, существовало активное левое прокоммунистическое и просоветское движение. Слова испанской республиканки Долорес Ибарури «...лучше умереть стоя, чем жить на коленях», сказанные во времена гражданской войны в Испании (точнее, в 1936 году), относятся к поддержке мятежников-франкистов фашистскими Германией и Италией. Однако после Второй мировой эта фраза стала общим лозунгом борцов антиколониальной борьбы.

По сути дела, смерть стала логичным выходом из сложившейся непримиримой ситуации, когда никто не хотел отступать и поступаться принципами. Только в 70-е годы началось более-менее трезвое отношение к данному идеологическому конфликту. Возможно, в связи с тем, что в идеалы коммунизма и антикоммунизма верило все меньше людей.

«Война на коммерческой основе». Имеется в виду война, которая развязывается исключительно для того, что бы захватить чужие ценности и земли. С этого, судя по всему, все и начиналось, но в чистом виде такие войны (по сути дела – бандитские налеты) довольно скоро стали прикрываться флером «восстановления справедливости», борьбы за веру и прочими «фигурными листками».

И тем не менее – в последние несколько сот лет такой войны в ее первозданном виде никогда не было. Даже в XIX веке, когда знаменитые торговцы оружием, вроде Бэзила Захарова, умудрялись продавать боеприпасы обоим воюющим сторонам и даже таскать их через линию фронта (поскольку одна из сторон не расплатилась за поставки), все равно интересы бизнеса напрямую не приводили к войне. Правда, бизнес, не организовывая войны самостоятельно, просто старательно подталкивал политиков к тем или иным действиям.

Возможны ли войны из экономических интересов в будущем? С одной стороны, конфликты назревают, и, разумеется, экономические боссы будут, осуществлять лоббирование своих интересов. Од-

нако сейчас многое изменилось. Например, российские и арабские нувориши живут в Лондоне, имеют недвижимость в США и распределяют свои активы по всему миру. В этой связи глобализация богатства играет роль миротворца.

Они не заинтересованы в глобальном крахе мировой экономической системы и уж тем более – в гибели цивилизации. Мало того – идеологически они во многом очень близки, независимо от своей национальности. Но личные предпочтения и взгляды могут побуждать их к энергичным действиям, которые, преломившись в массовом сознании, дадут совершенно непонятный эффект.

Однако надежда на удачный ход у них остается всегда. Поэтому удачная локальная война может быть выгодна конкретным лицам и определенным группам. В этом случае война рассматривается лишь как инструмент своеобразной игры на повышение. Кроме того, сам процесс локальной войны способствует стимуляции производства (оружия, топлива, лекарственных препаратов), и опосредованно (так как исчезают лишние рты и руки) – облегчает социальные обязательства.

Например, в случае ведения войны естественным является введение военного положения в здравоохранении. Это означает, что вся медицина мобилизуется и начинает обслуживать прежде всего военные нужды – то есть молодых людей. Пенсионное поколение начинает вымирать ускоренными темпами, и после войны нагрузка на социальную систему резко облегчается.

Таким образом, война – это не просто захват территорий (что не имеет практического смысла) или доступа к ресурсам (что намного важнее). Это и средство «прореживания» собственного населения, освобождения от демографического балласта. То, что нельзя произнести вслух в мирное время вполне нормально звучит во время войны (и, кстати, во время войны спокойно ограничивается доступ к информации, что логично – как средство противодействия вражеской пропаганде).

То есть умеренная, контролируемая война эффективно может использоваться для решения экономических, социальных и демографических проблем. После нее открываются возможности для нового витка развития, прежде всего у победившей стороны. Мало того – «коммерческая война» не нуждается в тотальном уничтожении противника – поскольку вопрос заключается в приобретении нового рынка сбыта.

Поэтому на повестку дня встают новые тактики. Задача – перераспределить доступ к ресурсам, поскольку доступ к ресурсам – это возможность получения прибыли. Но ресурсами владеет не масса потребителей, а вполне конкретные структуры – государства и частные лица. По сути дела, война нужна точечная, которая бы позволила обезглавить

армии, уничтожила бы старые системы управления, но сохранила бы основную инфраструктуру. Воевать в такой войне желательно без потерь людского персонала, опираясь лишь на свои технологические возможности. Однако есть основания полагать, что такая «идеальная война» возможна лишь в теории.

«Глобальный хаос». Особенность первой четверти XXI века – это сосуществование вооруженных государств, в которых торжествуют средневековые теократические режимы (например, Саудовская Аравия), стран с остатками коммунистической идеологии советского образца (Россия, страны СНГ, Китай, Вьетнам, даже страны Восточной Европы в составе Евросоюза), стран классических традиционных обществ (африканские страны, ряд стран Латинской Америки), постиндустриальные страны Евросоюза, США и Япония.

Целый ряд стран пребывают в состоянии перманентного вооруженного конфликта, в который вмешиваются другие государства. Таков распадающийся на мусульманский север и христианский юг Судан, воюющие Сомали, Афганистан, Ирак, Западная Сахара и многие другие. В других регионах, таких, как Латинская Америка, конфликты готовы вспыхнуть в любой момент. Пример – череда народных восстаний в Северной Африке в начале 2011 года, вызванных крушением надежд на улучшение социальной и экономической ситуации для большинства населения Туниса, Алжира, Египта... В настоящее время даже в таких странах, как США, с их развитой политической системой сдержек и противовесов возникла вполне взрывоопасная ситуация – ветеран войны во Вьетнаме сенатор Маккейн, как и многие его сторонники, не вдаются в вопрос социального строя в России – для них (и это неприятное открытие для российских либералов) Россия является врагом «по определению». Разумеется, через 20 лет это поколение может уйти со сцены в силу возраста и естественной смертности, но до этого оно вполне успеет предпринять определенные и неразумные шаги.

Страны Восточной Европы разыгрывают антироссийскую карту с тем же рвением. Они, правда, проигрывают в степени накала ненависти странам Латинской Америки, вроде Кубы, Венесуэлы или Боливии, которые могут называться чистейшими антиамериканистами, и все же их русофобия вполне последовательна. Они наслаждаются воспоминаниями о победах над Русью в XVI веке и воспринимают самих себя как авангард мирового крестового похода на Восток. Глупое мессианство еще долго будет отравлять разум их политических элит.

Антиамериканизм же характерен, кроме Латинской Америки, и для Ближнего Востока и всего исламского мира. В значительной степени он присутствует и в Китае. Так что кроме чистой логики и выгоды следует учесть самые разные нюансы, которые

могут привести к развитию совершенно алогичных конфликтов. Вот тут и наступает время сценариев.

Сценарии причин. Причины, непосредственно ведущие к началу конфликта, если сравнивать различные источники трактуются практически всеми авторами весьма сходно.

Например, доктор военных наук Константин Сивков полагает в своем прогнозе относительно причин грядущего мирового конфликта, что главными «запалами» будут следующие:

- противоречие между запросами потребления и реальными возможностями Земли, то есть война за дефицитные ресурсы;
- классовый конфликт между бедными странами и богатыми, связанный с тем, что бедные осознают, свою безысходность;
- идеологическое противоречие стран с традиционным духовным укладом (мусульманскими, православными, буддистскими) и протестантско-либеральным «западным» обществом.

Американский политолог Джордж Фридман в своей книге «Следующие сто лет» так же обращает внимание на то, что землю ожидает рост населения и борьба за ресурсы, правда, он надеется, что примерно с 2100 года население земли будет сокращаться. По его мнению, войне будет способствовать ослабление России, замыкание Западной Европы в своих внутренних проблемах и внутренние проблемы Китая.

Фридман полагает, что в ближайшие годы рост китайской экономики сменится стагнацией, и вот это как раз и может подтолкнуть его к войне. Географически Китай, по мнению американского политолога, «остров», отделенный от остальной Евразии пустынями и горами. С севера – холодная и негостеприимная Сибирь, на западе – горы Тянь-Шань, Тибет и пустыни, на юге – Вьетнам.

Свои проблемы Китай будет решать за счет конфликта с США и Японией, как средство сплочения народа, и избежания внутреннего конфликта, который может привести к гражданской войне в Китае и распаду его на несколько государств.

Тем временем Япония, которая нуждается в сырье, начнет силовую экспансию, полагаясь на свое технологическое превосходство. Поневоле Япония может войти в противостояние с США и Китаем, что ее не особо будет волновать, так как ее технологические возможности позволят достаточно легко уничтожить весь американский флот.

В Европе, «по Фридману», возникнет противоречие между Востоком и Западом и начнется скрытое противостояние на основе защиты собственных интересов, в первую очередь экономических. На южном фланге НАТО сорвется с цепи Турция, которая в своем идеологическом движении к исламизации станет слишком опасной.

С Фридманом соглашается в этом случае и Жерар Шальян, французский политолог, который видит у Турции три вектора развития – европейский, исламский и центральноазиатский. Экономический вектор – это европейское направление развития. Турция была и остается важным энергетическим коридором и партнером Евросоюза. Исламский – это идеологическое стремление стать одним из лидеров мусульманского мира. И этнический – стремление стать лидером всех тюркских народов, в первую очередь Центральной Азии.

И каждый вектор ее развития встречает противодействие как внутри страны, так и за рубежом. Но есть и союзники – например, США хочет ее руками ослабить влияние России на Кавказе и в Центральной Азии. Интересы Турции, в свою очередь, сталкиваются с интересами Китая в Синцзяне, и это может оказать влияние на укрепление российско-китайского взаимопонимания.

Ж. Шальян видит причиной грядущих кризисов изменение демографического баланса, а так же изъяны в самом западном обществе (что его сблизит с россиянином КСивковым), а именно, желание не работать, но потреблять, косную корпоративную систему, когда топ-менеджеры получают бонусы, даже разваливая компании, и, разумеется, дефицит природных ресурсов. Профессор Николас Бойл из Кембриджа в своем исследовании грядущего мирового кризиса опасается, что к 2015 году возникнет опасная ситуация, чьи корни кроются в пресловутом «финансовом кризисе», который очень легко разовьется в кризис политический и идеологический. Он видит опасность в том, что экономики стран, в которых живет более 3-5 миллиардов человек, завязаны на решения, которые принимаются в стране с населением в 10 процентов от этого числа – а именно, в США.

Завязанность мировой экономики на американские биржевые индексы, переполненность мира наличными и безналичными долларами делает всех натуральными заложниками американской внутренней и внешней политики. И это очень не нравится странам, которые вполне могут создать свой новый мировой порядок.

Н. Бойл и К. Сивков независимо от друга приходят к выводу, что если не произойдет кардинального изменения международного экономического сотрудничества на почве стремления к учету общих «земных» интересов, конфликт неминуем. Начнется лавинообразный рост идеологических, религиозных, экономических противоречий, которые приведут к полному тупику в отношениях, единственным выходом из которого будет представляться война.

Бойл называет это конфликтом между американским эгоцентризмом и международным сотрудничеством, Сивков – между миром цивилизацион-

ной иерархии и цивилизационной взаимоподдержкой. Фридман убежден, что будет налицо необходимость наведения мирового порядка именно Соединенными Штатами перед лицом международного хаоса, а Шальян видит причины в отсутствии единых стандартов.

По сути дела, можно сказать, что, анализируя мнения самых разных экспертов, поневоле приходишь к скорбному выводу – никто не готов договариваться и искать компромиссные решения не намерен. Зато в изобилии сценарии боевых действий, которые должны принести успех той или иной стороне.

Сценарий №1. Самый вероятный конфликт.

Практически все политологи и военные аналитики прогнозируют конфликт между Китаем и США. Кроме Дж. Фридмана, который не рассматривает Китай как достойного противника для США и полагает, что скорее на США нападет... Япония. Однако, в связи с тем, что эти представления американского политолога бездоказательны (кроме одного правдивого утверждения – Япония нуждается в сырье), мы не будем на них концентрироваться. Тем более, что есть и другие версии,

США в втором десятилетии XXI века неминуемо сделают качок вправо, и вполне вероятны акции, которые США проведут для демонстрации Китаю своей мощи. Это может быть проведено на экономическом, политическом и идеологическом фронтах. США вполне могут инициировать всевозможные «разбирательства» нарушений, которые допустил Китай в мировой торговле, соблюдении прав человека и т.д. Раздражение китайского руководства предсказать немудрено.

Поэтому нельзя исключать, что вскоре Китай произведет какие-либо демонстрационные действия – вроде запуска новейших ракет, спутников или орбитальных систем. Можно ожидать заметной активности китайского флота и ВВС. Все это будет постепенно накалять взаимоотношения между странами.

При этом биржа начнет реагировать на напряженность ситуации, и вверх ползут цены на стратегическое сырье, а акции высокотехнологичных компаний начнут ползти вниз – и в первую очередь американских, которые не имеют, в отличие от китайских, прямого доступа к сырью, и европейских, которые будут дистанцироваться от данного конфликта.

Без всякого сомнения, американо-китайская напряженность будет использоваться противниками этих сторон в своих интересах. В Афганистане можно ожидать активизации талибов, страны исламского мира возьмут более резкий тон в разговорах с США. Европа будет стараться занять позицию миротворца, а Россия, возможно, постарается ди-

станцироваться от конфликта, в котором ей нет никакой выгоды участвовать.

Направление, в котором собирается развиваться Пентагон, проглядывает со всей ясностью – это создание боевых систем, в первую очередь роботизированных и компьютеризированных, которые бы обходились без участия собственных военных на поле боя.

Здесь уместно отметить, что уровень «болевого порога» в США и НАТО несомненно ниже, чем у Китая. За несколько лет операции в Афганистане войска западной коалиции потеряли около 2300 бойцов убитыми, или по 250 человек в год, и это считается уже неприемлемыми потерями. Для сравнения – во Вьетнаме США потеряли около 58 тысяч убитыми, то есть по 6500 человек в год. Советские войска в Афганистане потеряли за десять лет 15 тысяч убитыми, то есть по 1500 человек в год.

При этом, во время китайско-вьетнамской войны 1979 года, которая длилась ровно один месяц, китайская армия потеряла 22 тысячи убитыми, сочтя потери оправданными. Примерно столько же потеряла и вьетнамская сторона.

Поэтому, по мнению аналитиков, таких, как Альфред У. Маккой, Пентагон хочет создать глобальную кибер-спутниковую сеть, которая позволит, сокращая людские потери до минимума (в том числе и противника), уничтожать его командование и средства нападения. Точность обнаружения и атаки должна прийти к 2020 году до одного-единственного человека на поле боя. В частности, этой задаче может служить запуск в 2010 году беспилотного челнока X-37B, который является первым элементом грядущей военной системы.

Однако Китай, вполне возможно, пойдет совсем другим путем, которого от него не ожидают. В частности, он может начать массированную кибератаку на США именно тогда, когда Пентагон будет абсолютно уверен в своем могуществе.

По мнению А. У. Маккоя, сценарий может развиваться весьма стремительно и даже незаметно для широких народных масс. Никаких массовых бомбардировок и танковых сражений. Просто однажды, когда США будут очередной раз демонстрировать свою несгибаемую волю, китайский вирус завладеет системой управления высотным американским беспилотником дальнего радиуса действия, которые планируется запускать на высоты порядка 20 000 метров для патрулирования внешнего морского периметра КНР.

Беспилотник просто выпустит свои ракеты «в молоко», болтаясь над океаном, и превратится в безвредную игрушку, которая вскорости рухнет в море. Пентагон в качестве демонстрации своей мощи передаст команды орбитальной группировке автоматических шаттлов X-37B, приказывая нанести удар

по военным спутникам Китая, которых к тому моменту будет порядка 37 штук. Правда, и там начнет свою работу китайский вирус – введение боевой задачи станет весьма проблематичным.

Тем временем проблемы возникнут у американской группировки спутников системы GPS – они начнут передавать на Землю неправильный сигнал. Американский флот, авиация, практически все оказываются неспособными выполнить самый простой приказ, так как вся система их военного могущества основана на удержании орбитального преимущества. Но, потеряв его, США остаются перед выбором – начать термоядерную войну или отступить, признав, что у них ничего нет. Китай не нуждается в жертвах – ему нужно просто поставить США на место, и сохранить «status quo». Война закончится очень скоро, возможно даже без жертв – но политическим трупом стану США, поскольку разом потеряют большую часть своей военной мощи.

А. У. Маккой находит новый вариант исполнения угрозы, которую в США предвидели еще в 50-е годы XX века (как, впрочем и в СССР). Эта угроза – электромагнитный импульс, который возникает в момент ядерного взрыва, своего рода грандиозная по размерам электрическая искра.

Когда в 50-е годы США испытали термоядерную бомбу в Тихом океане, радиосвязь на несколько минут пропала на обширном пространстве, от Гавайских островов до Австралии. Затем последовали специализированные ядерные испытания – например, «Апельсин», когда заряд мощностью почти в 2 мегатонны был взорван в 1958 году на высоте 4 километров, или «Морская звезда-1», который 9 июля 1962 года привел к тому, что за 400 километров от места взрыва на острове Оаху погасло уличное освещение, выключилась местная радиостанция, сбой был в телеграфной системе.

Мощность этого импульса высока, электромагнитные волны создают в аппаратуре (электротехнической, компьютерной и радио-) наведенные токи, которые выводят ее из строя. Поэтому военная техника защищается специальной экранировкой, но и это не всегда помогает, зато здорово утяжеляет конструкцию. По этой причине самые уязвимые аппараты – это самолеты и особенно – космические спутники.

И, как отмечает американский исследователь и специалист по оборонной науке Даниель Дюпон, спустя несколько месяцев после последнего испытания, которое породило самый мощный импульс, семь американских спутников из двадцати прекратили работу. Их разрушили возникшие над Землей в результате термоядерных взрывов искусственные радиационные пояса. Спутники накапливают радиоактивные частицы и перестают нормально работать – теряют слишком много энергии, их бата-

реи становятся малоэффективными, а в электронных схемах начинаются сбои. Это гораздо более опасное явление, чем кратковременный электромагнитный импульс, если речь идет не о «горячей войне».

Это явление (искусственных радиационных поясов) стало американским военным кошмаром. И с каждым годом он становился все более ужасным.

Речь ведь идет не о масштабной войне, которая ужасна сама по себе и которую все же можно было предотвратить. Уже в 60-е годы СССР и США предпринимали усилия, что бы не допустить катастрофы.

Американцев стала беспокоить возможность нанесения по их стране радиационного удара с целью подрыва экономики. И чем далее США становились все более компьютеризированной страной, тем более явной становилась эта угроза. В 90-е годы об этом заговорили во весь голос уже не только военные, но и гражданские специалисты. В частности, Совет по охране природных ресурсов прямо обратился к президенту Клинтону с предупреждением: один высотный ядерный взрыв над территорией США – и вся ее компьютерная сеть рухнет, вызвав невиданный хаос. То, что, казалось, является прерогативой боевиков о Джеймсе Бонде, проникло в реальный мир.

Все эти доклады вновь возбудили интерес к проектам 50-х годов, когда американский ученый Николос Христофилос предположил (и доказал в рамках проекта «Аргус»), что искусственные радиационные пояса могут выводить из строя системы управления баллистических ракет.

После терактов и сентября 2001 года всю заговорили о том, что взрыва сравнительно небольшой ядерной бомбы на высоте 300 километров будет достаточно, чтобы примерно на месяц вывести из строя подавляющее большинство военных и гражданских низкоорбитальных спутников. При этом наименьший ущерб понесут те народы, которые не создали развитой технологической цивилизации – для пуштунских племен в Афганистане или аборигенов Австралии мало что изменится, а вот в Европе, Японии и особенно США будет настоящий коллапс.

Доклад комиссии Рамсфельда (министра обороны) содержал расчеты, согласно которым для восстановления орбитального комплекса от такого удара потребуется не менее трех лет и более 100 млрд долларов инвестиций, и это не считая прямых потерь экономики. Одна ракета и одна атомная бомба могут в буквальном смысле этого слова угробить сильнейшую экономику мира.

Но на каждый меч найдется свой щит. Довольно быстро ученые пришли к выводу, что искусственные радиационные пояса можно разрушить,

если воздействовать на магнитосферу Земли низкочастотными радиоволнами – то есть частотой от 1 до 20 000 герц. Эти радиоволны не только обтекают Землю, но и способны проникать под воду и в толщу самой Земли. Именно поэтому они изучались еще до атомной эры – как потенциальное средство связи с подводными лодками, находящимися в погруженном состоянии.

Если военные моряки буквально втыкали свои антенны в землю (СССР на Кольском полуострове, а США в штате Висконсин), то военным «спутниководам» нужно было развернуть их к небу. Самой мощной такой установкой стала размещенная на Аляске система HAARP (High Frequency Active Auroral Research Program – Программа активного высокочастотного исследования авроральной области). Начав с сверхдальней и сверхглубокой радиосвязи, ее приспособили и для того, что бы начать эксперименты по воздействию на возможные искусственные радиационные пояса. То есть пресловутая «Арфа», про которую ходит так много слухов, является важным элементом обороны США, а так же инструментом для очистки магнитосферы Земли от засорения, что позволит сохранить не только американскую экономику, но и оборонную мощь в случае ограниченного ядерного удара или так называемого высотного анонимного удара.

Вернемся к теории А.У. Маккоя. Он по сути дела предполагает тот же самый сценарий, что и комиссия Рамсфельда, и другие американские исследовательские группы. Но с существенным отличием – Китай у него не взрывает ядерную бомбу (хотя может) – а засылает компьютерные вирусы. Против них HAARP полностью бессильна. А кто же может использовать ядерную технологию? Такие кандидаты тоже есть – и даже не один. Американские исследователи, надо признать, не рассматривают среди них Россию – у нее нет мотива. А вот Пакистан, Иран, Северная Корея и некий «аноним» – вполне могут это сделать.

Сценарий №2. Самый анонимный конфликт. В этих новых войнах есть один важный элемент – возможность нанесения удара анонимно, не объявляя войны и даже замаскировавшись. На память опять приходят фильмы «бондианы» 70-х годов, в которых действуют всемирные злодеи, одинаково ненавидящие как США, так и СССР.

Вступает в действие еще один вопрос – а что делать, если физического ущерба территории США не нанесено?

Если взрыв произведен в нейтральных водах? Как писал эксперт Курт Велдон, «...будет ли возможно американское вторжение в страну, производящую такой взрыв, и массированный удар по ней, который приведет к человеческим жертвам, и будет ли ответный ядерный удар? Возможно, что и нет...».

Американские правительственные эксперты в 2000-х годах разработали несколько возможных сценариев такой странной войны. Например, в ходе индийско-пакистанского военного конфликта. Начавшись как обычная стычка за Кашмир, война станет развиваться, и индийские войска могут прорваться в сторону Исламабада. Пакистан может в порядке «последнего предупреждения» взорвать имеющийся у него 10-килотонный заряд над Нью-Дели, причем взорвать за пределами атмосферы. Это не вызовет массовой гибели людей в городе, но покажет решимость нанести следующий, уже наземный ядерный удар. Однако этого взрыва будет достаточно для того, что бы у США началась головная боль...

Второй вариант – это запуск Северной Кореей своей ракеты с ядерной боеголовкой. Большинство политиков в мире почему-то считают, что она запустит ее по наземной цели, хотя северокорейцы могут пустить ракету над своей территорией, которая вынесет бомбу на высоту 150-180 километров. Это приведет к сильнейшим проблемам для материковой части США и может резко ослабить возможности южнокорейской армии, лишив ее американской спутниковой поддержки. Эту версию активно развивает Джон Пайк из оборонной организации «Глобальная безопасность», считая ее оптимальной с точки зрения северокорейского режима. Взрыв над своей территорией – кто осмелится осудить их?

Но есть и другой вариант. Можно осуществить запуск с морской платформы и даже из контейнеров на борту торгового судна в нейтральных водах. В любом случае это неприемлемо для США, поскольку «вцепиться им в бок» найдется немало охотников во всем мире. Вот тут-то и нужна, как видим, «Арфа», что бы сократить время бездействия американских спутниковых систем до минимума.

Сценарий Маккоя с его супервирусами так же может быть вполне анонимным. И для его осуществления не нужно делать ракету или покупать атомную бомбу. Но без расходов не обойтись – по сценарию Маккоя у кибератакующего Китая есть в распоряжении суперкомпьютеры, которые постоянно генерируют изменяющиеся ежесекундно вирусы, и много чего еще мощного и вредоносного. Америка как раз проиграет, по его мнению, в связи с тем, что американцы уже значительно отстают от китайцев в этом отношении. И все же, поскольку атомных зарядов в мире в сотни раз больше, чем суперкомпьютеров, ядерная электромагнитная атака может все же быть более реальной, чем анонимная кибервойна.

Сценарий №3. Тотальная грызня. Вместе с конфликтом сверхдержав и даже вместо него может развиваться настоящий пожар из локальных войн, которые в состоянии покрыть практически весь африканский континент, значительную часть Ближнего Востока и часть Латинской Америки.

Серьезные конфликты могут возникнуть на юге России, в Закавказье, в Средней (Центральной) Азии. Причины могут быть самые разные, но, скорее всего, это будет проблема дефицита полезных ископаемых, воды и продовольствия.

Возьмем, к примеру, раздел Судана на христианский юг и мусульманский север. Мирному и стабильному разделу (напомним, что там число жертв измеряется уже миллионами человек) мешает неравномерность распределения нефтяных залежей – они в основном сосредоточены на юге. Шаткий мир в любой момент может смениться очередным конфликтом. Какие страны начнут поддерживать ту или иную сторону в данном конфликте – не трудно догадаться.

Но и в религиозно однородных странах полно проблем, в частности, родоплеменная вражда и просто обыкновенная жадность. Игрища местных туземных политиков могут затронуть и интересы мировых политических грандов. Президентский конфликт в Кот-д'Ивуаре в конце 2010 – начале 2011 года вызвал особый интерес великих держав прежде всего потому, что эта страна обеспечивает 40 процентов мировых поставок какао-бобов, без которых нет шоколада, и около 15 процентов – кофе. В стране добываются нефть, алмазы и редкие металлы.

В январе 2011 года волна возмущений захлестнула арабский мир – Тунис, Йемен, Египет и даже европейскую, но мусульманскую Албанию. Формально – везде разные причины, так же формально – все происходило под демократическими лозунгами, но по сути произошла радикализация общества, точнее – исламская радикализация. В этом случае Запад оказался в недоумении – он так и не понял, как реагировать на демократический приход людей, которые не признают идеалы западной демократии. С другой стороны, возможно, что многие как раз обрадовались тому, что произошло.

Стоит вспомнить роман советского писателя-разведчика Романа Кима «Школа призраков», в котором его антигерой Даню объясняет своему приятелю, зачем им, разведчикам нового времени, изучать приемы шпионов Древнего Китая и ниндзя Японии: *«...в древнем Китае феодальные княжества воевали отнюдь не по собственной инициативе. В те времена существовали так называемые шуйкэ – бродячие профессиональные консультанты по вопросам политики <...> И благодаря усилиям этих шуйкэ феодальные княжества Китая беспрерывно интриговали друг против друга, заключали тайные союзы, натравливали одних на других, нападали, заключали сепаратный мир и снова готовились к войнам. Шуйкэ все время старались сохранять напряженную атмосферу, потому что, когда наступало спокойствие, спрос на них начинал падать. <...> Сейчас в разных частях*

света много небольших государств, так же как в Китае и Японии во времена феодальных войн. И эти азиатские, ближневосточные и африканские малые государства... ждут современных шуйкэ».

Если мир не изменился со времен Древнего Китая до 50-х годов XX века, когда были написаны эти строки, он не изменился и в последние пятьдесят лет. Погоня за властью, деньгами, тщеславием и азарт по-прежнему двигают мировую политику. Правда, не всегда в процессе этой игры можно предсказать результат.

Если в мире возникнет какой-то значительный конфликт, даже в форме экономического противостояния, можно ожидать, что многие страны, о которых сейчас принято говорить с легким пренебрежением, неожиданно могут стать важными фигурами на мировой шахматной доске.

Как указывал Ж. Шальян, еще совсем недавно никто не мог представить себе, что Турция или Бразилия возьмут на себя посредничество в решении иранской ядерной проблемы. Поскольку ни Россия, ни США, ни Китай не смогли добиться ничего весомого – Иран просто не верит в их желание что-то решать и быть объективными.

Французский эксперт обращает внимание на то, что распад СССР произошел без грандиозной войны, а НАТО расширял свои пределы так же в ходе мирных политических процессов. К 2003 году Вашингтон, как пишет Ж. Шальян, почувствовал себя всемогущим, но... затем начались проблемы, и одна из них – это невозможность отслеживать, что происходит в мире, какие процессы. В частности, американцы рассчитывали после вторжения в Ирак создать новый, дружественный для себя «Большой Средний Восток». Эти планы провалились. Хотелось создать южный коридор поставки нефти в Европу по нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан (Турция) – и этот проект как-то незаметно стал «рассасываться». И таких примеров масса – один центр, какой бы он ни был мощный, не в состоянии контролировать все.

США в течении многих лет поддерживали Пакистан, считая его своим главным союзником в регионе. Но Индия обошла его в экономическом и социальном развитии, а Пакистан стал регрессировать, все более уподобляясь Афганистану. Только этот «стан» будет с ядерными ракетами, и сейчас для США главная проблема – не допустить попадания ядерного оружия в руки талибов. Сейчас США стараются активно сотрудничать с Индией еще по одной причине – она становится серьезным противником Китаю. Китай же по-прежнему имеет тесные связи с Пакистаном, но вот в какой степени – это вопрос.

Конфликт в Афганистане продолжается. Американцы, публично признавшись, что имеют интерес к полезным ископаемым этой страны, оказались

в дурацком положении – китайцы, публично не шумя, получили права на разработку крупнейшего медного месторождения страны и на многие другие работы. В какой степени мешают китайцам талибы – в той же, что и американцам, или китайцы смогли с ними найти общий язык – тоже тайна за семью печатями.

Что знает западный мир о Южной Корее, которая одна строит треть мирового коммерческого флота? Что известно миру о Боливии, которая разыгрывает литиевую партию вместе с южнокорейцами, явно желая поставить Китай на место. И многие ли люди в курсе, кому принадлежит Панамский канал? Точнее – кто его контролирует?

Поэтому вроде бы бессмысленная война маоистов-партизан в северной части Латинской Америки может иметь вполне циничный скрытый смысл – в ней могут быть заинтересованы самые разные силы. Например, китайцы, которые не хотят усиления американского влияния в Эквадоре, или американцы, которые все время поддерживают венесуэльскую оппозицию.

В результате возможна война всех против всех, поскольку современное общество просто не в состоянии предложить сколько-нибудь разумного пути развития, которое бы не генерировало бесконечное неравенство.

В 20-е годы идеи социального равенства, наиболее подробно разработанные Владимиром Лениным, лидером российской большевистской революции, казались совершенно похороненными новой жизнью. Однако, по прошествии всего лишь пары десятков лет, уже в обновленном виде они вновь стали занимать специалистов.

Исследователи обратили внимание на то, что те формы, которые 150 лет назад были характерны для классовых противоречий в масштабах отдельных стран, стали актуальны в масштабах всей мировой экономики. Нищий пролетариат, который чисто физически не мог выбраться из беспросветной нищеты в 1845 году, заменили беднейшие страны мира, которые так же, при сохранении существующего мирового порядка, никогда не достигнут процветания. Власть, отдельные личности – несомненно. А вот страна в массе – нет.

Известный экономист, профессор Николас Бойл видит надежду в том, чтобы люди, в первую очередь власть имущие, поняли, что общество состоит не только из банкиров. Такое в истории уже было – в начале XX века правящие классы Финляндии сами, добровольно пошли на отмену своих привилегий и введение всеобщего активного и пассивного избирательного права для женщин и рабочих – без имущественного ценза. Однако тогда была весьма сильна протестантская этика во всей ее положительной и прогрессивной силе. Как видим,

сейчас эпоха менеджеров-бессеребренников ушла в прошлое, даже в той же Финляндии.

Таким образом, формируются два мира – мир «золотого миллиарда», в который входят страны Евросоюза (около 500 млн чел.), США (300 млн чел.), Япония и Южная Корея (200 млн чел.). Разумеется, богатые люди есть и в других странах, но именно эти – основной «становой хребет» мира богатых.

Есть мир абсолютной нищеты – беднейшие страны Африки, воюющие Афганистан и Ирак, разрушенное землетрясением и тотальной коррупцией Гаити. А между этими полюсами – мир, который хочет стать богатым и имеет для этого все возможности. Но самые богатые прекрасно понимают, что если страны «второй волны» – Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Мексика, Россия и другие захотят приблизиться к высшим стандартам, миру просто не хватит ресурсов при сохранении «западного» стандарта потребления. А значит – ситуацию можно разрядить лишь углублением классового неравенства, что бы ограничить число людей, которые могут потреблять ресурсы практически свободно.

Как реакция – это стимулирует рост социальной напряженности внутри общества и обращение к насилию, как к единственному способу восстановления попорченной справедливости. И если в развитых странах недовольные все же могут влиять на власть демократическим путем, то в странах «третьего мира» для них этот путь заказан. Остается одно – взять власть в свои руки самим. Поскольку равенство в относительной бедности для многих гораздо менее оскорбительно, чем незаслуженное неравенство в относительном богатстве.

По мнению российского эксперта К. Сивкова, богатейшие страны вполне могут позволить себе роскошь начать вести контролируемые малые войны, которые, с одной стороны, препятствовали бы развитию будущих опасных конкурентов, а с другой – стимулировали бы местные элиты развивать сырьевое направление в структуре своих стран. Однако в конце концов процесс может выйти из-под контроля и превратиться в какую-то бесконечную череду то затухающих, то разгорающихся конфликтов, которые окажутся связанными друг с другом.

По мнению эксперта и писателя Майка Дэвиса, выраженному в его книге «Планета трущоб», в конечном итоге богатые будут жить в своеобразных гетто, окруженные военными частями, потому что все остальное вокруг превратится в бесконечные трущобы – остатки нашей некогда могущественной цивилизации. Причина – опять та же самая – недостаток ресурсов. Они станут просто недоступны для большинства, и капиталистическая система вновь, как и в 1845 году, предпочтет не замечать нуждающихся.

Мир дикости будет существовать в бесконечных войнах и конфликтах, жить по принципу и законам криминального мира, которые, по сути дела, лишь адаптация законов племенного общества к современной ситуации. Мир богатых будет загонять «быдло» в его норы, а трущобы будут отвечать убийствами с дикой жестокостью и очередными терактами.

В итоге конфликты охватят практически все зоны нестабильности, появятся новые, и тогда применение оружия массового поражения будет только вопросом времени. К. Сивков предполагает, что речь может идти о десятках, если не сотнях миллионов погибших. Ну, а остановить этот прискорбный сценарий, по мнению российского эксперта (и в этом он солидарен с британскими и французскими коллегами), можно только остановив непомерную жадность сформировавшегося симбиоза бюрократии и высшего менеджерского состава транснациональных корпораций» [2, с.168-196].

«Шок и гнев вызвало у восточноевропейских стран решение России отказаться от «Южного потока» – газопровода стоимостью \$ 50 млрд, который должен был идти в Европу через Черное море. Акции некоторых компаний, участвовавших в реализации проекта, упали в цене. Болгария, Сербия и Венгрия сообщили, что даже не получили никакого предварительного уведомления относительно того, что Москва намерена отказаться от «Южного потока», хотя они вложили в этот проект значительный финансовый и политический капитал. Россия же, по словам ее чиновников, вместо «Южного потока» будет направлять свой газ в торговый хаб в Турции. Сейчас «Южный поток» – пожалуй, самая большая жертва противостояния между Россией и ЕС из-за военных действий, которые ведет Москва на территории Украины. Расхваленный проект, который поддерживала российская госкомпания «Газпром», должен был доставлять российский газ в Европу в обход Украины. Он даже получил определенное ускорение, когда в результате серии ценовых споров между Москвой и Киевом в последние десять лет были сокращены поставки некоторым европейским клиентам «Газпрома». Однако в Брюсселе опасались, что этот газопровод укрепит доминирование «Газпрома» на европейском газовом рынке. Европейская комиссия настаивала, чтобы доступ к «Южному потоку» получили и другие поставщики газа, поскольку, по ее мнению, то, что «Газпром» будет и поставлять газ, и владеть трубопроводом, являлось бы нарушением антимонопольного законодательства ЕС. Однако проект получил поддержку некоторых стран юго-востока Европы, которые считали, что его реализация позволит повысить их собственную энергетическую безопасность. Эти страны также планировали заработать на транзите российского

газа через свою территорию. При этом в 2013 году государства региона уже понесли существенные потери, когда было отменено строительство трубопровода «Набукко», который должен был доставлять в Европу газ из Азербайджана. На встрече послов ЕС в Брюсселе 2 декабря 2014 года представитель Венгрии спросил у Федерики Могерини, новой главы европейской дипломатии: «Сначала «Набукко», затем «Южный поток». Что мы теперь будем делать?» По словам Петера Сийярто, министра иностранных дел Венгрии, теперь следует вновь начать изучение альтернативных источников поставок энергоносителей, включая газ из Азербайджана. Тем временем премьер-министр Сербии Александр Вучич сказал местному телеканалу RTS, что это решение стало плохой новостью для Белграда и что он будет в срочном порядке пытаться поговорить с Путиным. «Сербия семь лет инвестировала в этот проект, а сейчас ей приходится расплачиваться за конфликт супердержав», – сказал он. Акции компаний, имеющих контракты на строительство «Южного потока», резко упали 2 декабря 2014 г. Акции итальянской компании Saipet, оказывающей услуги в нефтяной отрасли, опустились на 10,8%, а Salzgitter, немецкого производителя стали, чье совместное предприятие поставляет трубы для «Южного потока», – на 7,4%» [3].

«Важливым елементом ведення "гібридної війни", що наочно продемонструвала російська агресія, є і вплив на життєдіяльність суспільства. При цьому енергетична інфраструктура стала предметом особливої уваги з боку агресора, оскільки її захоплення (чи руйнування) не тільки завдає значних економічних збитків, а й загрожує сталому функціонуванню системи життєзабезпечення суспільства загалом. Слід зазначити, що використання потенціалу енергетики як "енергетичної" зброї було відкрито проголошене у 2003 р. в Енергетичній стратегії Російської Федерації до 2020 р.: в документі зазначалося, що потужний паливно-енергетичний комплекс Росії "є базою розвитку економіки, інструментом здійснення внутрішньої та зовнішньої політики". І це не просто декларація намірів, а реальний інструмент впливу, який Росія неодноразово використовувала у своїх інтересах (у т.ч. – через послаблення всіма способами енергетичної інфраструктури потенційних противників). Прикладом цього є майже синхронні підриви енергетичної інфраструктури, які припинили постачання природного газу та електроенергії до Грузії в січні 2006 р., що стало елементом подальшого тиску на Грузію. Вибух на газопроводі у Туркменістані у квітні 2009 р. допоміг Росії призупинити дію незручного для неї договору з Туркменістаном і фактично усунути конкурента з європейського ринку. Так у 2006 р. був зупинений на ремонт нафтопровід,

який забезпечував постачання нафти на нафтопереробний завод у Мажейкяй у Литві, причому саме в момент, коли Литва вирішила продати завод польській компанії. Очевидно, що Росія цілком свідомо використовує атаки проти критичної інфраструктури, зокрема енергетичної, як для досягнення своїх цілей у політичній та економічній сферах, так і для зниження воєнно-економічного потенціалу держави в найбільш стислий термін. Усе це можна побачити і в україно-російському протистоянні. При цьому енергетична інфраструктура (через свою географічну розосередженість) може опосередковано нести загрозу об'єктам, розташованим далеко від місця безпосередньої атаки. Так, анексуючи Крим, військові підрозділи Російської Федерації фактично отримали контроль над українськими енергетичними об'єктами, які містяться за межами адміністративних кордонів Криму. Внаслідок цієї анексії в Україні не просто було захоплено об'єкти енергетики й території Криму, а через захоплення енергетичної інфраструктури (трубопроводів та компресорних станцій) фактично викрадено нафтовидобувні поля на шельфі та безпосередньо природний газ в обсязі 2 млрд м куб. щорічно. Надалі цей елемент ведення "гібридної війни" ще з більшим розмахом агресор використав в окремих районах Луганської та Донецької областей. Цілеспрямованими діями фактично було зруйновано багато вуглевидобувних підприємств, блокувалася й руйнувалася транспортна інфраструктура. Своєю чергою, це призвело до проблем із постачанням уже видобутого вугілля споживачам, передусім – на теплові електростанції, що стало викликом для стабільного функціонування всієї об'єднаної енергетичної системи України. Як наслідок – погіршилась і соціально-економічна ситуація не тільки у східних областях, а й загалом в Україні. Крім того, це сформувало довгостроковий виклик енергетичній безпеці держави загалом. Далі в роботу пішов інформаційний складник "гібридної війни": прийняті українським урядом антикризові рішення в енергетичній сфері було активно використано для формування негативного ставлення до органів державної влади, посадових осіб та керівництва держави. Ця ж інформація активно використовувалась і для формування негативного іміджу України серед країн-сусідів та партнерів України» [4].

«Трьохсторонні газові переговори Україна – Росія – ЄС у Відні завершилися безуспішно. Як результат, вже учора зранку Україна припинила закуповувати російський газ. «У зв'язку з тим, що 30 червня 2015 року збігає термін дії додаткової угоди між НАК «Нафтогаз Україна» і ВАТ «Газпром», а умови подальшого постачання російського газу в Україні не були погоджені сьогодні під час

трибічних переговорів у Відні, «Нафтогаз» припиняє закупівлю газу у російської компанії», – повідомили в українській компанії. Разом з тим в НАК запевнили, що «транспортування газу територією України для європейських клієнтів «Газпрому» триватиме в повному обсязі згідно з контрактними умовами». У Росії ж рішення «Нафтогазу» назвали політичним і безпідставним. «В українській сторони немає підстав для того, щоб призупинити закупівлі газу, тому що запропоновані ціни, з урахуванням прийнятої знижки, абсолютно конкурентоспроможні. Це можуть бути лише якісь політичні, на мій погляд, рішення, тому що економіки за таким рішенням ніякої немає», – сказав міністр енергетики Росії Олександр Новак. Як писав «День» раніше, напередодні «Нафтогаз» звернувся до агресора з проханням про знижку. Як відповідь, російський уряд запропонував надати знижку розміром близько \$40 за тисячу кубометрів з тим, щоб ціна залишилася на рівні другого кварталу – \$247,17 за тисячу кубометрів.

Михайло ГОНЧАР, президент Центру глобалістики «Стратегія XXI»: «Пропозиції, які зробила російська сторона, виглядають для нас доволі привабливими. Навіть якщо погодитися на досить сумнівну заяву Росії про те, що ціна на газ відповідає європейським реаліям. Хоча й \$247,17 за тисячу кубометрів не є цілком адекватно. Адже в четвертому кварталі минулого року ціна на нафту (яка формує ціну на газ у третьому кварталі цього року) йшла на спад, а нам запропонували газ за старою ціною. Але навіть за цих «рівних» умов ми повинні збільшувати закупівлю газу в Європі, зважаючи на те, що Росія ініціювала військову агресію на сході. Тим більше, ми маємо таку можливість. Якщо пригадати, минулого року було 11 раундів переговорів, і лише в жовтні вдалося домовитися щодо газу. Це – друга зустріч. Тому попереду – багато цікавого. Тим більше, як показує досвід минулого року, ми 180 днів обходилися без російського газу – з червня по грудень. Тому з цього приводу не варто перейматися. Вважаю, що ситуація повторюється і значною мірою вона продиктована не лише газовими реаліями, а тим, що уряди Канади та США посилюють санкції проти Росії, і у відповідь Кремль дав директиву «Газпрому» посісти жорстку позицію в переговорах з Європою та Україною. Таким чином, з боку «Газпрому» триває гра на розкол Європи. Сьогодні багато говорять про те, що у нас в газосховищах немає газу. Але у нас і немає потреби повністю заповнювати їх газом, адже немає тих обсягів споживання. Нам вистачить ще п'ять-шість мільярдів кубометрів. А «Газпром», звичайно, хоче нам його продати, щоб заробити. Але краще купити у європейців, а ще краще – нарацювати власний видобуток і в перспективі відмовитися від імпорту взагалі» [5].

«После того, как я написал колонку о финансовых инновациях в Apple, узнал, что мобильные операторы Sprint, T-Mobile, а теперь и Verizon принялись сражаться за то, кто предложит лучшую сделку по iPhone. Чем бы ни закончилась эта война мобильных операторов, однозначный победитель будет один – Apple. А операторы понесут потери, поскольку сокращают свою прибыль, пытаясь перебить скидки противника. Они потратят миллионы долларов на рекламу, чтобы убедить покупателей прийти к ним в магазины и приобрести – вдумайтесь! – телефоны компании Apple. Если же покупатели предпочтут программу Apple iPhone Upgrade, тогда выигрывает Apple будет еще значительней. Тем временем 2015-й, вероятно, станет годом, когда бизнесы AT&T и Verizon в США перейдут от роста к упадку. Еще одно наблюдение по поводу Apple: бренд этой компании выходит за пределы технологичности и крутости. За годы компания также приобрела невероятный уровень доверия со стороны своих клиентов. Я могу вспомнить только одну компанию, которой удалось добиться сравнимых результатов: Amazon.com. Amazon сделала покупки онлайн легким и приятным делом, ее служба поддержки работает, как часы, и компания ведет честную ценовую политику. В конце концов, она позволяет другим предпринимателям пользоваться своим сайтом и даже готова сама доставлять их товары. Доверие к Amazon таково, что большинство людей даже перестали сравнивать цены. Они не утруждают себя поисков товаров через Google (это, кстати, плохая новость для Google), и идут напрямую на сайт Amazon. Недавно я заплатил за товар на Amazon на несколько долларов больше, чем на другом сайте, потому что был уверен – если мне понадобится его вернуть, никаких проблем не возникнет. Такой уровень доверия превращает Amazon и Apple в так называемые «платформы» и гарантирует успех почти любому продукту, за который они возьмутся. Когда в 2019 году Apple выпустит собственный автомобиль, компания тут же отхватит непропорционально большой сегмент автомобильного рынка – исключительно из-за имеющегося к ней доверия.

К тому моменту, как моя младшая дочь Миа Сара, которой скоро исполнится два года, научится водить, автомобили с двигателями внутреннего сгорания, скорее всего, превратятся в музейные экспонаты, как в свое время Ford Model T. Я понял это, посетив магазин Tesla и полюбовавшись силовым агрегатом электрокара, который похож на скейтборд и состоит, по сути, из плоского куска металла, где находится батарея, четырех колес и электрического двигателя размером с большой арбуз. Вот и все: в автомобиле Tesla всего 18 движимых частей, тогда как у машины с двигателем внутреннего сгорания их количество доходит до сотен, если не тысяч. Забавно то, что в этих автомобилях даже

электроники больше, чем в Tesla. Еще одна интересная особенность электромобилей – то, что они, по сути своей, почти не отличаются от смартфонов. Цены на смартфоны значительно снизились с годами, потому что их компоненты стали повсеместными и коммерческими. За исключением шин, почти все элементы машин с двигателями внутреннего сгорания у разных фирм уникальны и не взаимозаменяемы. Таким образом, возможность автоматизации автомобильной индустрии очень ограничена. А вот простота электромобилей и приход в индустрию, помимо Tesla, также и Apple, скорее всего, приведет к постепенному снижению цен. Подумайте: всего восемь лет назад миру был презентован iPhone. Никто тогда и подумать не мог, что смартфоны позволят создать сервис Uber, из-за которого без работы окажутся таксисты по всему миру. А последствия расширения рынка электромобилей будут еще более масштабными. Apple не перегружена стереотипами, которые засели в мозгу традиционных производителей автомобилей, а потому сможет создать нечто принципиально новое и поразить потребителей по всему миру. Бензин можно делать только из нефти, а вот источники электричества куда более разнообразны: природный газ, уголь, атом, ветер, вода, нефть (и это еще не весь список). 70% нефти уходит на автомобили и грузовики. Представьте, что будет, когда в ней отпадет нужда – в США могут даже забыть, как произносится название «Саудовская Аравия», а Ближний Восток изменится навсегда. Возможно, Apple не сможет презентовать свой автомобиль уже в 2019 году, но приход компании в автомобильный бизнес наверняка будет успешным и станет потрясением для индустрии» [6].

«Зійшовши з російської газової голки, Україна дістала можливість добиватися компенсації за несправедливість газових контрактів, що були чинні. Провідним атакуючим гравцем на цьому полі став Антимонопольний комітет України. Його рішення буде направлено до Москви цього тижня. У ньому АМКУ зобов'язав російський «Газпром» привести умови транзиту газу через територію України до економічно обґрунтованого рівня. Як повідомив журналістів глава комітету Юрій Терентьєв, «рекомендовано зобов'язання компанії «Газпром» протягом двох місяців припинити порушення й привести свою діяльність до вимог законодавства про захист економічної конкуренції». Перший заступник глави АМКУ Марія Ніжник пояснила: «Необхідно привести умови співпраці до економічно обґрунтованих – це можуть бути зміни, внесені умовою договору або інші». На її думку, штраф у майже 86 мільйонів гривень, накладений АМКУ на «Газпром», також має бути сплачений протягом двох місяців, інакше відомство звернеться до Господарського суду для його примусового стягнення. Ніжник розповіла, як утворилася наведена сума: «Це 30% від загального

обсягу, пов'язаного з порушенням за період у п'ять років. Враховуються також обтяжливі обставини: «Газпром» зовсім не співпрацював з комітетом. Також обтяжливою обставиною є те, що це порушення, яке триває». Вона відкинула заперечення «Газпрому» проти цього штрафу. «Насправді справа перебуває в компетенції АМКУ, оскільки послуга транзиту надається саме на території України», – резюмувала вона. Крім того, на її думку, у тому випадку, якщо комітет встановлює факт зловживання монополістичним становищем, то суб'єкт, чії права порушені, а в цьому випадку НАК «Нафтогаз України», може звернутися до суду для стягнення збитків у подвійному розмірі», – сказала вона журналістам, додавши, що сума збитків «Нафтогазу» не підлягає розголошенню. За її словами, у разі звернення до суду «Нафтогаз» самостійно обґрунтуватиме цю цифру. Ніжнік підкреслила, що тяжба між «Нафтогазом» і «Газпром» у Стокгольмському арбітражі ведеться «зі схожого, але не зовсім ідентичного питання». «Там йдеться про порушення умов договору (щодо обсягів прокачування газу через Україну. – Авт.)», – уточнила вона.

У коментарі у відповідь «Газпром» заявив: «Це викликає неабиякий подив, оскільки «Газпром» не здійснює підприємницької діяльності на території України, передаючи НАК «Нафтогаз України» природний газ на західному кордоні Російської Федерації. Таке рішення АМКУ не може розглядатися ніяк інакше як спроба чинити тиск на «Газпром». «Газпром» має намір захищати свої права й законні інтереси в усі доступні йому з правового погляду способи», – говориться в коментарі управління інформації газового концерну. Монополіст наполягає, що «підстави для ініційованого АМКУ розслідування відсутні, й воно має бути припинене». Він нагадує, що зараз питання контрактних взаємовідносин з «Нафтогазом України» є предметом розглядів у Арбітражному інституті Торгівельної палати Стокгольма, який сторони транзитного контракту обрали органом розгляду суперечок».

КОМЕНТАРІ. Валерій БОРОВИК, голова правління альянсу «Нова енергія України»: «Рішення АМК значною мірою всього лише «страшилка» для «Газпрому». Він за звичкою діятиме так, як йому вигідно. Росія вже багато раз демонструвала, що міжнародне законодавство й міжнародні правила не є для неї обов'язковими для виконання. А от накладений на нього штраф – це реально. Цю справу можна доводити до кінця. Порушення здійснене на території України й може бути покаране за українським законодавством. Я думаю, що «Газпром» буде змушений сплатити штраф, оскільки в нього немає функцій віртуального оператора на території України й він мусить діяти виключно в рамках українського законодавства».

Сергій САПЕГІН, директор науково-технічного центру «Психея»: «Думаю, що «Газпром» як суб'єкт господарської діяльності оскаржить це рішення Антимонопольного комітету України в суді. Питання лише в якому саме. Я думаю, що, швидше за все, це буде російський суд. До європейського суду «Газпром» навряд чи піде. Причому в російському суді рішення АМК, ймовірно, представлятимуть як таке, що має політичний характер. І так буде до того моменту, поки щось не зрушиться, не зміниться в самій Російській Федерації. Ми бачимо, які там йдуть дезінтеграційні процеси і до чого вони можуть призвести – не лише до змін у економіці, а й у політичній ситуації. Проте розгляди в судах можуть бути довготривалими. Тим паче що відносини таких компаній, як «Газпром» і «Нафтогаз» далеко не прості. До того ж енергоносії в Росії виведені в політичну площину. І якщо розбиратиметься російський суд, то процедура може затягнутися на роки. Або до часу, коли закінчиться нині чинний контракт, або до зміни політичної влади у наших сусідів. Але тут ще одна невідома. Сьогодні ми ще не можемо передбачити, що буде з самим «Газпром» на той час, оскільки його капіталізація катастрофічно падає. Очевидно, що для його існування в нинішньому вигляді також є чималі ризики. Отже, я б оцінив дію нашого АМК так: політично вона матиме якийсь резонанс. Але грошей Україна, швидше за все, не отримає» [7].

««Газпром» 19 січня 2016 р. надіслав НАК «Нафтогаз України» рахунок на оплату газу, невикористаного українською компанією у третьому кварталі 2015 року за закладеною у контракт 2009 року умовою «бери-або-плати». Оскільки мінімальна річна кількість газу в цьому кварталі становить 10,485 мільярда кубометрів, і з урахуванням обсягу газу, що його «Газпром» поставив в Україну, «Нафтогазові» виставлено рахунок на суму \$2,549 мільярда. «Газпром» чекає оплати рахунку упродовж 10 днів», – йдеться в його повідомленні. У повідомленні процитовано слова голови «Газпрому» Олексія Міллера: «Україна у 2015 році фактично відмовилася від закупівель російського газу у третьому кварталі. Отже, жодних домовленостей про нестосування правила «бери-або-плати» (на відміну від попередніх періодів 2015 року. – Авт.) у цьому періоді не було». Що криється за цим політичним демаршем і до чого він призведе, «День» запитав у президента Київського інституту енергетичних досліджень Олександра Нарбути. «Нафтогаз» вибудував свою позицію, відштовхуючись від суперечки, що ведеться у Стокгольмському арбітражному суді, – роз'яснює експерт, – у ній є така чітка складова: щодо низки умов, які діють до 2019 року, контракти мають бути переглянуті з моменту їх укладання, оскільки не відповідають діловій практиці і

ринковій кон'юнктурі. Відповідно, спочатку відкидається умова бери-або-плати. Адже багато європейських держав від неї відмовилися чи істотно зменшили обсяг постачань газу, на які це зобов'язання поширюється. Відповідно, «Нафтогаз», припинивши у третьому кварталі минулого року закупівлю російського газу, по суті, відмовився виконувати і весь контракт у його сьогоднішньому вигляді. «Тому, на мій погляд, – веде далі експерт, – «Газпром» намагається збільшити обсяг сумарних вимог за позовами, що розглядаються у Стокгольмі. І в цій претензії, я, як не юрист, нічого нового і особливо небезпечного не вбачаю. Зрозуміло, що рахунок не буде сплачено. Тому можна припустити, що потім він перетвориться на позов, який доповнить раніше висунуті претензії, рішення за якими має прийняти суд у Стокгольмі. Я не думаю, що це може схилити чашу терезів на користь «Газпрому». Я боюся помилитися, але у своїх вимогах, що фігурують у Стокгольмському арбітражі, «Газпром» багато разів посилався на take-or-pay. Ба більше, виставлену тепер суму штрафу, на мій погляд, саме й складено з невиконаних за минулі роки зобов'язань за цією формулою».

Експерт також нагадує, що Україна, натомість, виставила у Стокгольмі зустрічні претензії щодо тарифу на транзит і заявлених у первинному контракті його обсягів, які не виконувалися. Та й цінові умови на постачання газу Україні істотно відрізнялися від існуючої кон'юнктури, а відмова «Газпрому» від перемовин не дала змоги Україні купувати газ на справедливих ринкових умовах. Нарбут звертає увагу також на те, що наприкінці минулого року «Нафтогаз» запросив «Газпром» на перемовини щодо нових умов транзиту газу до Європи. При цьому він зазначає, що це був недостатньо продуманий крок, у результаті якого українська сторона опинилася у цуванзі, чи, точніше, як кажуть шахісти «у вилці». З 1 січня в Україні почала працювати встановлена НКРЕКП нова тарифна модель для «Укртрансгазу» – так звана єдина модель «вхід-вихід». У ній встановлено плату за вхід до нашої ГТС і окремо – за різні з неї виходи, передбачено норми технологічних втрат і витрат. Усе це формує вартість послуги щодо доставки газу європейським країнам, що раніше називалося транзитом. «Це та модель, на якій працюють практично всі європейські оператори магістральних газопроводів», – зазначає Нарбут. «А вилка для «Нафтогазу» полягає в тому, – додає він, – що «Нафтогазу» потрібно або ж розірвати договір із «Газпромом» про транзит і запропонувати йому самостійно викупити існуючу потужність, до того ж там діятиме принцип качай-або-плати. А залишаючись стороною контракту з «Газпромом», «Нафтогазові» доведеться самому викуповувати цю потужність і відповідати за дотримання принципу качай-або-плати. Парадокс полягає ще й у тому, що раніше

«Нафтогаз» зловживав старою моделлю і майже всю плату за транзит російського газу залишав собі, сплачуючи «Укртрансгазові» незначні суми, а згодом лише постачав газ для технологічних цілей з подальшим взаємозаліком». «Позиція «Газпрому» полягає в тому, щоб до кінця чинності контракту, тобто до 2019 року, нічого не змінювати, – переконаний Нарбут. – І я дивуюся, що «Нафтогаз» запрошує його на перемовини, а не повідомляє про розрив контракту, використовуючи для цього закладені в нього процедури. Можливо, «Нафтогаз» спробує запропонувати якісь нові умови і хоче створити ситуацію, за якої «Газпром» буде вимушений сам розірвати чинний контракт? Мені це не відомо. Хотілося б почути роз'яснення керівництва «Нафтогазу», якому час перейти від мови пропаганди, якою він зараз переважно послуговується, до серйозної розмови із громадськістю та експертним середовищем» [8].

«Крупнейшая польская нефтегазовая компания PGNiG подала иск против российского «Газпрома» в Стокгольмский арбитраж. В официальном сообщении говорится, что, учитывая конфиденциальный характер арбитража, «подробная информация об иске и требованиях компании не предоставляется». Новый иск против ОАО «Газпром» и ООО «Газпром Экспорт» подан в рамках начатого еще 13 мая 2015 года арбитражного разбирательства по вопросу изменения ценовых условий долгосрочного контракта на закупку газа от 25 сентября 1996 года и приведения их в соответствие с ситуацией на европейском рынке природного газа. Начатые в ноябре 2014 года переговоры польской компании с российским энергоконцерном о снижении цены на газ оказались безрезультатными. В конце января сообщалось, что компания PGNiG планирует построить газопровод между Польшей и Норвегией к 2022 году, чтобы снизить зависимость от импорта российского газа. В 2022 году истекает срок ее контракта с «Газпромом». Накануне стало известно о том, что итальянская компания Saipem подала судебный иск на дочернюю компанию «Газпрома» в Международную торговую палату. Компания-подрядчик требует 759 миллионов евро за срыв строительства подводной части газопровода «Южный поток», который должен был пройти по дну Черного моря в обход Украины. В октябре 2015 года скидку на газ через суд потребовала Турция. А в ноябре «Нефтегаз Украины» увеличил исковые требования к «Газпрому» в Стокгольмском арбитражном суде до 25,7 миллиарда долларов. Тем временем российский газовый монополист рухнул в рейтинге самых дорогих компаний в мире сразу на 187 позиций по сравнению с предыдущим годом. В списке 500 ведущих компаний, ежегодно составляемом аналитической компанией Brand Finance, «Газпром» занял

299-е місце, оказавшись «лидером» по количеству проигранных позиций» [9].

«Итальянская компания Saipem, являющаяся дочерним предприятием крупнейшей итальянской нефтегазовой компании Eni, подала судебный иск в базирующуюся в Париже Международную торговую палату на российский «Газпром». Saipem требует от South Stream Transport (дочерней компании российского энергоконцерна) 759 миллионов евро за срыв строительства подводной части «Южного потока», который должен был пройти по дну Черного моря в обход Украины. Этот иск стал первым крупным требованием к «Газпрому» о возмещении ущерба после закрытия в 2014 году проекта «Южный поток». Компания Saipem была подрядчиком «дочки» российской корпорации по разработке проектной документации, строительству первой нитки морского участка газопровода, а также возведению технологических объектов на берегу. Общая стоимость нереализованного контракта составляет примерно два миллиарда евро. Сумма иска Saipem складывается из оценки уже сделанных работ. При этом ущерб подсчитан еще не полностью, так что не исключено, что поданный иск может стать частью общего иска о взыскании убытков за расторжение контракта и неустойки с дочерней структуры «Газпрома» [10].

«До 2028 року, як обіцяє технічний директор Google, використання природного газу, нафти та вугілля зійде нанівець. Все замінить геоенергетика, яка стане набагато економнішою і простішою у використанні. Вже зараз сонячні батареї й вітряки «перетягують канат», змагаючись із нафтогазовим бізнесом. А зростання цін на паливо підтверджує приказку про те, що «немає лиха без добра». Люди активніше почали замислюватись, як дешевше обігріти своє житло. Геоенергетика є не просто розв'язанням проблеми, а козирем світової економіки, за допомогою якого можна сміливо вирішувати завдання з використання альтернативних джерел в опаленні житлових будинків. У першу чергу ця галузь виводить на новий рівень роботу гірничих підприємств, у тому числі вже закритих, і здешевлює побут громадян. Окрім цього – відкриває можливість отримувати чималий прибуток державі. І бізнес-структури вже зрозуміли цю перевагу, інвестуючи розвиток геоенергетики. Як розвивається геоенергетика в Україні? Щоб довідатися, заходимо на офіційний сайт Міністерства енергетики та вугільної промисловості, проте в жодному розділі, на жаль, не знаходимо інформації про розробку геоенергетичних принципів розвитку держави. Нині у нас переважно зайняті такими насущними питаннями, як ядерна енергетика, нафтогазова і вугільна промисловість. А тим часом велика частина вугільних шахт через воєнні дії вийшли з-під контролю

України, так само як і чорноморські бурові платформи на газ. Про можливість нових шляхів видобутку енергії, як на поверхні, так і в надрах Землі, що і є по суті геоенергетикою, досі не йдеться. Хоча в такий непростий період життя логічно було б окреслити перспективи розвитку альтернативних джерел тепла і світла для українців. Але навіть на спеціалізованих сайтах всесвітньої мережі Інтернет – Scopus, Copernicus, Google – не знайшлося робіт вечних, які б займалися розвитком ідей геоенергетики. Лише після довгих пошуків вдалося знайти дослідника, який займається цією проблематикою досить давно і втілює свої ідеї в Україні.

Доцент кафедри підземної розробки родовищ Національного гірничого університету (Дніпропетровськ) Олег ХОМЕНКО нещодавно захистив докторську дисертацію, в якій розкрито спосіб видобутку руди за допомогою геоенергії. Виявилось, запропонований підхід набагато простіший, майже вдвічі дешевший і, звичайно ж, якісніший порівняно з технологіями, що десятиліттями використовуються на шахтах. З огляду на те, що глобально і системно цим питанням мало хто займався, вчений зробив сміливий крок у науці, здивувавши колег під час захисту своєї роботи. «Геоенергетика – це нова наука про Землю, що йде на зміну традиційним геофізиці, геомеханіці, геодинаміці, – розповідає український дослідник Олег Хоменко. – Коли я вивчав роботи своїх колег, в тому числі й у мережі Інтернет, побачив, що коло науково-прикладних інтересів у галузі геоенергетики зводяться лише до окремих питань геології, а також – виготовлення та встановлення теплових насосів для житлових будинків і підприємств, а сам термін «геоенергетика» використовується лише для солідності. Насправді це абсолютно новий і сучасний напрям, який має свій глибокий сенс і призначення. В його поняття входить вітроенергетика, гідроенергетика, термоенергетика, гравітаційна енергетика і багато іншого».

ПЕРСПЕКТИВА ГЕОЕНЕРГЕТИКИ.

Можна сміливо сказати, що вже сьогодні геоенергетика для населення є досить вигідною альтернативою природному газу, і, що важливо, вона виправдовує витрати на її впровадження за короткий термін. Але, як зауважує Олег Хоменко, проблема поверхневого інтересу до цього питання полягає і в ментальності нашого суспільства. Не одне покоління виховувалося на тому, що ми залежимо від когось або чогось, в тому числі і в енергетичному сенсі. І, здається, газове питання навіки законсервувалося у топ темах дня. Тому вченому в своїх дослідженнях доводиться враховувати всі нюанси, навіть психологічну неготовність людей піти в енергетичну автономію, відмовившись від звичного комунального і промислового раю.

«Інформація та енергія – це дві основні субстанції нашого світу, які впливають на розвиток суспільства – говорить вчений Олег Хоменко. – Геоенергетика є реальною перспективою, адже вкладені в цю сферу інвестиції окупляться сторицею і неминуче приведуть до енергетичної незалежності людей, регіонів і навіть країн. Щоб довести це, почав з найскладнішого – наукового обґрунтування геоенергетичних принципів у роботі гірничорудних підприємств. Я просто продемонстрував, як добути руду за допомогою геоенергії. Була запропонована нова теорія гірського тиску, що базувалася на відкритті фізичної сутності феноменального явища, над яким вчені ламали голови ще з 1899 року. За цією методикою добувати руду значно дешевше, а при додатковому використанні інших складових геоенергетики – вітроенергетики, гідроенергетики, термоенергетики, гравітаційної енергетики – шахти стануть повністю енергетично автономними!»

За останні 40 років кардинальних ідей щодо модернізації рудних шахт ніхто не висував, тому доценту кафедри підземної розробки родовищ НГУ Олегу Хоменку довелося не просто тримати оборону скептикам, а й доводити доцільність свого наукового відкриття.

По-перше, вчений, вивчивши роботу всіх рудних шахт України, довів, що геоенергетика – шлях до прогресивної роботи гірничих підприємств. При сьогодняшньому механізованому підході вчених, що базується на законах класичної фізики, витрати на видобуток прирівнюється до прибутку, отриманого з продажу руди. Продовжувати роботи за таких умов просто не вигідно. При цьому заробітна плата робітників опускається до мінімуму, а травматизм і аварійність на підприємствах зростає до максимуму. Хоча з геоенергетичним підходом до справи можна не лише ліквідувати проблеми, пов'язані з гірським тиском, а й навчитися отримувати додатковий прибуток.

По-друге, Олег Хоменко зумів довести дуже доступну для розуміння теорію, до якої раніше ніхто чомусь не прийшов. «Полягає вона в одному слові «капсула», – пояснює вчений. – Так само, як у людини відбувається загоєння рани, що і зветься науковою мовою «капсулювання», так і гірський масив «стягується» навколо зони видобутку, створюючи захисну капсулу. Адже земля також живий організм і, звичайно ж, реагує на стороннє втручання шахтарів. Тут однією фізикою не обійдешся. Капсули – це все, що нас оточує від Галактик до останньої клітини в нашому організмі. Багато тисячоліть гірники шукали причини обвалу покрівлі та здійснення ґрунту під час роботи, а науковці звитязно працювали над поясненням цих процесів. А виявляється, земля, «захищаючись» від гірничих робіт, створює так звані капсули за рахунок зміни тиску, температури, щільності, тим самим виконуючи при-

родне кріплення виробок. Тому, якщо правильно все враховувати, гірникам, за великим рахунком, нічого кріпити і не доведеться, просто надавати гірничим виробкам правильні розміри і форму».

Одним словом, з урахуванням геоенергетики на гірничому підприємстві можна набагато легше видобувати руду. Український науковець нарешті запропонував таку теорію, яка дозволяє не тільки дешевше видобувати корисні копалини, а й спростити технологію видобутку, здешевити кріплення й обладнання. Олег Хоменко стверджує: незважаючи на те, що видобуток руди з урахуванням геоенергетичних основ вимагає нового підходу, він взагалі не потребує додаткового фінансування. Таким чином, підприємство отримує прибуток, а не приносить собі ж збитки.

ГЕОЕНЕРГЕТИКА І ПОСТМАЙНІНГ.

Шахта «Благодатна», що в Павлограді, вже п'ять років отримує тепло і гарячу воду для свого підприємства за допомогою потужного теплового насоса, впровадженням якого займалися вчені Національного гірничого університету з Дніпропетровська. Для України – це інновація, але вона може стати реальністю для кожного підприємства. Більш потужний тепловий насос, встановлений під землею, здатен подавати тепло всьому шахтарському містечку. Але для початку потрібно, щоб шахта сама себе забезпечувала теплом, що логічно, а вже потім – подавала воду, тепло, електроенергію населенню.

Не слід забувати і про можливість, що з'являються після закриття гірничих підприємств. Доктор технічних наук О. Хоменко дає експертну оцінку і цьому питанню: «За останній рік світові ціни на залізну руду впали вдвічі. Більшість шахт починають згортати програми розвитку підприємств, скорочуючи обсяги видобутку. Але чому б не перейняти досвід Заходу і Китаю, де шахти, як під час роботи, так і після свого закриття приносять чималий прибуток? Наприклад, лише встановлення вітроагрегатів на копрах і відвалах шахт здатне стабілізувати прибуток у кризові роки. На законсервованих горизонтах додаткові кошти можна отримувати від організації музейних екскурсій і концертів камерної та органної музики у відпрацьованих камерах, а також – спорудження у виробках сольових та інших шахт, підземних церков, готелів, медичних центрів; створення гірськолижних спусків на відвалах пустих порід і тому подібне. Я впевнений, що пройде не більше 10 років, і на місці більшості закритих шахт у Донецькій і Луганській областях працюватимуть гірськолижні курорти, як в Карпатах. На сьогодні вже є зацікавленість інвесторів, головне, щоб закінчилася війна».

Реалізація геоенергетичних проектів на закритих підприємствах у світі користується попитом і тішить прибутками. Наприклад, в канадському інду-

стріальному містечку Мюрдошвіль влада на місці вироблених підприємств розмістила вітрогенератори, а також влаштувала гірськолижний курорт. Тепер у невеличкій Мюрдошвіль лине потік туристів, зупиняючись у місцевих мешканців, які свої будинки переобладнали у хостели. А ось в Японії користується попитом «індустріальний туризм». У цій країні вже не діють гірничі підприємства, одною з останніх припинила діяльність шахта острова Ікешима. Ця подія зробила острів майже безлюдним і зовсім не привабливим. Тільки згодом Ікешиму мешканці почали називати «острів-шахта», бо в ньому не припиняються екскурсії під землею, на глибині 300 метрів, у музеї гірничої справи. І з року в рік кількість туристів тільки зростає. В інших шахтах різних країн облаштовують музеї сучасного мистецтва, різні арт-центри. І все користується популярністю, бо є ексклюзивом. В Україні гірничих підприємств, зрозуміло, більше, вироблених – в тому числі, тож вони також можуть представляти витвори мистецтва або стати основою прибуткових геоенергетичних проектів. Поки що ж – це ділянки, які не мають життя.

ГЕОЕНЕРГЕТИКА В ПОБУТІ. З геоенергетикою можна сміливо вирішувати завдання з використання альтернативних джерел опалення в побуті. З цією метою і продовжує працювати Олег Хоменко.

– Енергетичні можливості, які містить Земля, просто безкінечні, – говорить він. – Але в Україні є свої особливості. Тепло Землі, здатне обігрівити житлові будинки, знаходиться нижче глибини промерзання ґрунту. Тому отримувати тепло з глибини 1,5 км до $+30^{\circ}\text{C}$ можливо тільки з використанням фонду гірничих підприємств. Ця цифра і в літній, і в зимовий періоди незмінна. За допомогою теплового насоса на поверхню температура виходить втричі вища, або, відповідно до пори року, нижча. Таким чином, взимку можемо отримати температуру води в $+90^{\circ}\text{C}$, а влітку – охолодити свій будинок. Батареї можуть і не знадобитися. Теплонасоси працюють на різних теплоносіях: повітрі, рідині, маслі, що від трьох до десяти разів дешевше електричного підігріву води в бойлері та парового опалення за допомогою газу або вугілля. Проблема лише в тому, що обладнання шахт теплонасосними компресорами промислового типу, які здатні видобувати тепло з надр, вимагає спецпроектів, інвестицій і наукового супроводу. Це поки що питання майбутнього, у якому вчений Олег Хоменко не сподівається на підтримку з боку держави, а просто продовжує працювати, а також співпрацювати з західними фахівцями.

– Те, що нам зараз здається диковинкою, в світі давно впроваджено. Інвестори зрозуміли, що робити внесок в геоенергетика – вигідно. Тож зараз я займаюся перекладом своїх нових наукових результатів

англійською мовою і публікую їх у міжнародних виданнях. Таким чином – шукаю інвесторів, а також підбираю дослідницьку базу, де можна було б продовжити роботу з впровадження розроблених інновацій. Згодом і в Україні можна реалізувати всі ідеї геоенергетики. У нас уже визнали нову геоенергетичну теорію на основі роботи рудників, яку я розробив. Адже вона не суперечить ні законам природи (фізики), ні здоровому глузду, – говорить О. Хоменко. Поки вчені працюють над масштабним впровадженням геоенергетики в побуті, отримати теплу воду для приміщень невеликої температури без використання газу можливо вже зараз. На глибині понад 1 м земля має температуру $+5 - 10^{\circ}\text{C}$, що достатньо для обігріву води до $+30 - 40^{\circ}\text{C}$ і більше. До цього способу звертаються багато людей не тільки, щоб підігрівати воду, влітку таким чином можна охолодити свій будинок. Сьогодні вже масово встановлюють побутові й промислові кондиціонери, які взимку працюють на тепло, адже це найдешевший вид опалення приміщень. Наступний крок – за сонячними батареями і тепловими насосами. Поки що єдиний в Україні фахівець з геоенергетики як науки Олег Хоменко вважає, що питання використання тепла Землі в побуті – питання часу. Геоенергетика – дисципліна нова й її вітчизняний розвиток краще почати з гірничодобувних підприємств, які здатні вийти на повну економічну автономію і навіть опалювати прилеглі селища або шахтарські містечка без значних фінансових вливань. До того ж на шахтах, використовуючи геоенергетичні принципи в технологіях видобутку, можливо розробляти корисні копалини за малих витрат. Для економіки України – це величезний крок вперед, який в тому числі розв'язує газове питання раз і назавжди» [11].

«Україна втрачає час на ефективне зближення з ЄС. Очевидні «проколи» в роботі української влади спостерігаються в одному з найважливіших секторів економіки – енергетичному. Розрекламована реформа НАК «Нафтогаз України», оновлення законодавчого поля та розвиток відновлювальних джерел енергії – всі ці питання наче б то й рухаються вперед. Утім до переломного моменту невідворотності потрібних там реформ ще далеко. Така ситуація насторожує, особливо, якщо зважити, що довкола України реалізовується ряд обхідних російських газопроводів, а європейці готують оновлену енергостратегію, в якій немає місця для України, як одного з основних транзитерів енергетичних ресурсів. Як не прогавити вхід у енергетичну Європу? І хто чи що саботує сьогодні ухвалення та виконання потрібних на цьому шляху рішень? Про це «День» говорив із першим заступником голови парламентського комітету з питань ПЕК, ядерної політики та ядерної безпеки, позаштатним радником Президента, колишнім Вінницьким губернатором **Олександр ДОМБРОВСЬКИМ:**

– Щороку «День» проводить Міжнародний фотоконкурс. 2003 року серед робіт була фотосвітлина Михайла Марківа «Чому ми не в Євросоюзі?». То, як вважаєте, чому ще досі не там?

– Складне запитання. Якби могли знати відповідь, то були б вже там. А так те, що відбувається в країні (другий Майдан, гарячі дискусії про дострокове припинення повноважень парламенту, перевибори президента), – це свого роду пошук відповіді.

– Але Україна зі своїми енергетичними потужностями навіть не змогла вписатися в єдині енергорамки з Єврозоною...

– На жаль, енергетична галузь за 24 роки не стала стрижнем економічного розвитку держави, а так і лишилася місцем заробляння величезних капіталів більшістю олігархів. Це – дійна «корова», з якої тягнули все, що можна. Звідси й маємо надзвичайно складну ситуацію в енергетиці, з точки зору застарілих фізично і морально основних фондів, включно з тепловою генерацією, високівольтними лініями електропередач. Шкода, що парадигма розвитку української економіки – це зразок середини минулого століття, яка склалася після Другої світової війни. Досі її практично не змінили.

– Систему законсервовано великими апетитами української олігархії?

– Так. Але ця «корова» вже не може давати багато молока. Її треба починати годувати, створювати інші умови для розвитку. Інакше – недалеко до біди.

– У рамках зближення з енергоринком Європи Україна виконала важливу, але не достатню умову, – ухвалила Закон «Про ринок газу». Коли інші законодавчі ініціативи побачить сесійна зала?

– Ми не повинні тішитися ілюзією, що дуже багато зробили в галузі енергетики. Ухвалено лише один базовий законопроект «Про ринок газу», але до нього потрібно затвердити ще 23 законодавчі та підзаконні нормативні акти. Нині робота над ними триває. Сподіваюся, що в порядку денному депутатів скоро з'явиться закон про незалежного регулятора енергетичного ринку. Це – друга важлива вимога. Закінчується спільна з європейцями робота над законопроектом «Про ринок електричної енергії». Сподіваюся, що до кінця цієї сесії парламент його проголосує. Але це тільки три перші кроки, які потребують дуже детального, глибокого, системного розширення на рівні постанов уряду, Міненерговугілля та інших відомств. І тут виникає головна проблема: відсутній єдиний центр прийняття і централізації рішень в енергетичній сфері. Цієї функції не виконує ні Мінтопенерго, ні НКРЕ, ні уряд, її не може виконувати Верховна Рада. Це – велика проблема, бо немає кому синхронізувати всю інформацію між різними гілками влади.

– А хто би мав створювати такий орган?

– У КМУ має бути віце-прем'єр, який куруватиме Міненерговугілля, відповідні структурні підрозділи в Мінекології та супутніх галузях. Скасовувати цю посаду було помилкою. Так само, як і не призначати першого віце-прем'єра. В країні – криза і війна, відбуваються складні процеси з національною валютою, а в уряді немає першого віце-прем'єра, який би був у цих умовах «тяговою» конячкою. Його поява полегшила б роботу всього Кабміну, адже прем'єр – це політична фігура.

– Що заважає з'явитися такій фігурі?

– Вочевидь, це політична проблема, як і більшість інших. А чому не призначали рік голову АМКУ чи ФДМУ? Я не прихильник коаліційних політичних домовленостей. І вважаю, що сьогодні Україні потрібна сильна, професійна, технократична команда, яка вже демонструвала результат і може його повторити. Нинішній український уряд має дуже низький коефіцієнт корисної дії – менше половини з необхідного.

– Чи не насторожує вас в умовах створення Енергетичного союзу, реалізації обхідних російських газопроводів відсутність в Адміністрації Президента, уряді та МЗС уповноваженої особи, яка б займалася питаннями енергетичної дипломатії? Раніше такі посадові особи були! Якщо така людина не з'явиться найближчим часом, то що чекає міжнародну енергетичну дипломатію України?

– Українську міжнародну енергетичну дипломатію не втратять. Адже Президент як людина, яка відповідає за питання зовнішньої політики і безпеки держави, дуже тонко відчуває всі ці проблеми й виклики. Петро Порошенко як глава держави бере на себе прийняття багатьох рішень – і це правильно. Хоча, на мій погляд, команда уряду мала б більше відповідальності брати на себе, а не перекладати її на плечі Президента.

– Кому вигідно, що такого енергетичного координатора сьогодні немає?

– Це – питання політичне, яке лежить у площині домовленостей між Президентом і урядом, а також – результат сповільненого алгоритму прийняття рішень у владі.

– Можливо, вся проблема в тому, що кожен із цих двох хоче грати першу скрипку?

– Сьогодні є філософський конфлікт між парламентсько-президентською та президентсько-парламентською республікою. Ми маємо дуже харизматичного, професійного та досвідченого Президента, з розумінням і відчуттям глибини та причин усіх економічних процесів. Я не знаю людини, яка була б більш системно підготовленою. З другого боку, ми живемо в парламентсько-президентській республіці, де прем'єр, уряд і коаліція відіграють провідну роль. Що з цього виходить і які правила гри – ви

бачите в парламенті не гірше за мене. Тому цей філософський конфлікт і гальмує всі процеси в країні. Особисто я – прихильник президентсько-парламентської Конституції з дуже серйозними стримуючими факторами для глави держави.

– Як ставитися до пересторог експертів, що вільне трактування окремих пунктів Закону «Про ринок газу» може закінчитися банальною передачею газових активів від одного «улюбленого» олігарха – Фірташа – до іншого, наприклад, Григоришина?

– У чому суть прийняття трьох вищезгаданих законів? На виході має бути правильний європейський ринок газу в рамках Третього енергопакета. Якщо швидко запровадимо їх, то жоден із олігархів не зможе посісти монополієне становище. Якщо говорити про монополію на газовому ринку, то сьогодні таким монополістом виступає не Григоришин, а НАК «Нафтогаз України». Це – монстр із величезними боргами, з одного боку, та з величезними монополієними можливостями – з другого. Потрібно знайти золоту середину, щоб, створюючи цивілізований ринок газу, мінімізувати функції «Нафтогазу». До сьогодні НАК займається транзитом газу і управлінням мереж, хоча є «Укртрансгаз». Є багато нюансів. Потрібно завершувати реформу НАКу, але це відбувається дуже повільно.

– Чи підтримує комітет з ПЕК зменшення 70% рентної ставки на газ внутрішнього видобування?

– Ми проти збільшення ренти і пропонуємо переглянути цю норму. Не можна вбивати газонафтовидобувну галузь високими рентними платежами в угоду політичним інтересам та під гаслом боротьби з олігархами. Нині в комітеті готують відповідні законодавчі зміни. Якщо цього не зробити, то падіння видобування газу, за попередніми оцінками, може становити 25% на кінець року. Якщо 2014 року Україна отримала 4,2 мільярда кубічних метрів газу від приватних компаній, то дай Боже, аби цього року вийшли на три мільярди.

– У ЄС створюють оновлений Енергетичний союз, а уряд і Президент жодним чином не відреагували на це. Яка позиція комітету з ПЕК, адже, зберігаючи мовчання, Україна ризикує втратити роль стратегічного транзитера для Європи?

– Європа прийняла для себе дуже історичне рішення, яке рівноцінне створенню самої єврозони. Ми не мовчимо. Я був присутній у Брюсселі на засіданні Європарламенту під час презентації концепції нової спільної енергетичної інфраструктури Європи. На жаль, я не побачив там місця України. Тому в своєму виступі закликав ЄС при формуванні цієї інфраструктури домовлятися з Україною, наприклад, у питанні зберігання газу в наших ПХГ.

Адже ЄС для утримання достатнього рівня енергобезпеки потрібно мати в запасі 140 мільярдів метрів кубічного газу в рік. Тобто європейцям необхідно ще побудувати підземні сховища потужністю 40 мільярдів метрів кубічних. На це потрібні колосальні гроші, і вони готові їх витратити. Але навіщо стільки платити, якщо Україна може спокійно зберігати в своїх сховищах 20 мільярдів кубічних метрів газу? Для цього потрібно лише домовитися з європейськими партнерами. На жаль, позиції українського уряду в формуванні нової енергетичної політики Європи практично не чути. Голос уряду при відстоюванні і лобіюванні наших енергетичних інтересів у Європі дуже слабкий. Якщо це продовжуватиметься, то Україна може втратити роль провідного транзитера Європи. Хоча європейські партнери, попри неактивну позицію офіційного Києва, згодні шукати спільні точки дотику в енергосекторі. Але для цього потрібні реальні кроки з боку України. Якщо хочемо інтегруватися в енергетичну Європу, треба прискорити реформи, модернізацію ГТС та запровадити європейські стандарти роботи.

– Чи ініціюватиме комітет з ПЕК перед Кабміном необхідність прийняття конкретних кроків у рамках підготовки оновленої енергостратегії ЄС?

– Звісно, єдина позиція в цьому питанні потрібна, але важко її виробити, якщо відсутній єдиний центр прийняття енергетичних рішень. Що можуть зробити депутати? Важко сказати, бо ви ж самі знаєте і бачите, що Верховна Рада – це конгломерат різних груп народних депутатів, поділених політичними інтересами. Тому важко щось прогнозувати. Багато чого під куполом і досі визначається політичною доцільністю. Навіщо далеко ходити: за останні три парламентські тижні ми не бачимо включення в порядок денний Ради п'яти важливих законопроектів, які вже пройшли комітет з ПЕК. Наприклад, це стосується законопроекту про терміни платежів у атомній енергетиці, який дуже «гарячий» і його можна було проголосувати вже давно. Що це: небажання займатися енергетичними реформами, неповага до галузі чи закулісні ігри на рівні коаліції чи біля неї? Якщо такий підхід зберігатиметься, то, без сумніву, ми як профільний комітет захищатимемося, критикуватимемо керівництво парламенту і Кабміну.

– У червні 2015 р. запланована чергова тристороння зустріч у Брюсселі з газового питання між Україною, ЄС та Росією. Як радник Президента, скажіть, якої стратегії та тактики варто дотримуватися?

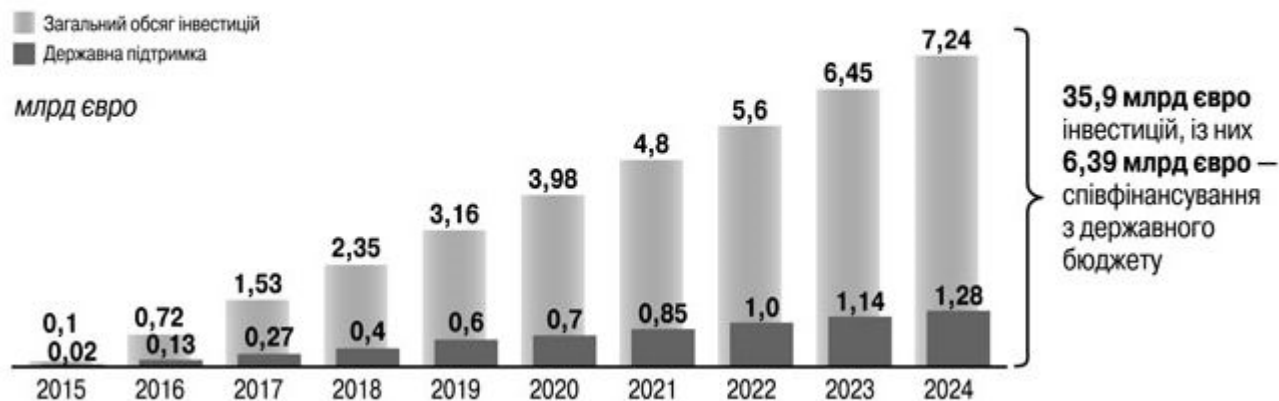
– Я прихильник повної енергетичної незалежності України. Тим більше, що зробити це дозволяють вже наявні енергетичні ресурси в країні, запровадження енергозбереження та енергоефективності.

За 3–5 років інтенсивної роботи проблему енергетичної залежності України можна розв'язати. Але для цього потрібно багато працювати всім: уряду, профільному комітету, міністерству, Держенергоефективності. Тому моя порада Президенту наступ-

на: енергоефективність, розвиток власного видобутку газу, мінімізація закупівель енергоресурсів на сході чи заході та заміщення споживання газу внутрішніми енергоресурсами (неважливо – біомаса чи електроенергія).

Обсяг фінансування Національної програми енергоефективності у ЖКГ (2015–2024)

РОЗПОДІЛ ЩОРІЧНИХ ПОТРЕБ У ФІНАНСОВИХ РЕСУРСАХ (ЗОКРЕМА ДЕРЖАВНОЇ ПІДТРИМКИ)

Сьогодні є кілька дуже важливих політичних моментів. Перший – хоч як би важко було, які були б внутрішні образи на керівництво Росії за події на сході, але ми мусимо про щось домовлятися з нашими сусідами. Іншого варіанту немає. Треба визначати правила гри, бо ми не можемо розірвати на 100% наші енергетичні зв'язки. Є атомна енергетика. Звісно, можна замінити російські твेलі продукцією американського Westinghouse. Але, по суті, що відбувається: заміна одного монополіста другим, і не більше. Залежність зберігається. Є проблема захоронення відпрацьованого ядерного палива, поставок електроенергії, закупівлі вугілля – це все комплекс невирішених завдань. Ми маємо розуміти: або розриваємо всі ці зв'язки і отримуємо відповідні наслідки, або ні, але тоді вибудуємо іншу систему відносин з Росією.

– **Чи чесно тоді вимагати від світу продовження санкцій, якщо ми самі тиснутимемо руку агресору?**

– Відносини з агресором слід будувати в трикутнику Україна – ЄС – Росія. Двосторонній формат довів свою неефективність і показав, що нічим добрим не закінчується. Але розмовляти і вести постійно діалог потрібно, хоч як би складно було. Рано чи пізно будь-яке протистояння закінчиться круглим столом і новими правилами гри. Росія вже зрозуміла, що зробила величезну помилку і «проколалась», почавши спекулювати питанням газу. Як результат – «Газпром» втратив одного з найбільших споживачів газу, а Україна довела, що може спокійно без нього обійтися, і рекордно скоротила

обсяги закупівлі. Нам сьогодні буде легше домовлятися з «Газпромом» про нову ціну газу, бо вартість енергетичних ресурсів у світі падає.

– **Чи бачите ви за рік роботи нової урядової команди зменшення впливу енергетичної олігархії?**

– Усі бачать протистояння між державою і компаніями-монополістами, як от ДТЕК, що володіє майже 70% електричної генерації країни, «Укрнафта»... Це очевидні речі. Тобто апетити енергетичних олігархів – старих, сьогоднішніх, або тих, які ще хочуть ними бути, – не зменшилися і не зменшуються, доки влада не змінить правила гри. Без нових прозорих правил не буде межі апетитам олігархії. Натомість їх намагаються встановити – і це багатьом не подобається. Відбувається складний процес, і олігархи, корупціонери не здають свої позиції. Боротьба з олігархами – це те ж саме АТО, війна, але тільки на полі корупції. Людям, які звикли заробляти десятки мільйонів гривень із повітря, дуже важко, або неможливо змінити свій менталітет і почати щось виробляти в реальному секторі економіки. Подивіться, хто сьогодні говорить про модернізацію економіки, концентрацію інтелекту в країні? Хто торкається теми промисловості? Це величезний пласт роботи, до якого ні в уряді, ні в бізнесу руки не доходять. Натомість всі хочуть торгувати газом і качати енергоресурси. Оцінюючи роботу уряду, я бачу в ній як плюси, так і мінуси. Плюс – що уряд, «Нафтогаз України» та Мінпаливенерго (при всій критичності ставлення до них) вирішили дуже серйозну проблему реверсу газу з ЄС. Це дало можливість пережити зиму і отримати

альтернативу і поле для маневру у розмові з «Газпромом». Я дуже високо оцінюю роботу КМУ, Держенергоефективності та Мінрегіонбуду у питаннях впровадження рішень із енергоефективності (перехід на українське паливо, твердопаливні котли, утеплення...) Але хотілося б, щоб уряд працював швидше. Адже всі ці рішення треба і можна було ухвалити ще в квітні та вчасно почати готуватися до опалювального сезону. А цей час втратили. До значних мінусів я б виокремив прийняття половинчастих рішень щодо проблем енергетики. Питання тарифів намагаються розв'язати, тільки реформуючи НАК, але це лише перекладає проблему на комунальників, а далі – на населення. На тлі економічних негараздів це додає і політичного забарвлення, адже людина з 1000 гривень пенсії не зможе оплатити такі високі тарифи, а систему субсидій ще не допрацьовано. Усе це створює напругу в суспільстві та породжує спротив реформам. Це лише один приклад. А, загалом, сьогодні уряд ухвалює багато політичних рішень, які, зрештою закінчуються погано.

– Попри наявність «зеленого» тарифу, частка відновлювальної енергетики в Україні зростає дуже повільно. Що заважає реалізувати системну державну політику?

– Альтернативна енергетика не вигідна енергетичним олігархам, які звикли качати гроші з повітря, а держава ще не розуміє до кінця важливості цієї теми для енергобезпеки країни. Немає розуміння, куди рухатися. Саме тому структурно модель української електроенергетики виглядає і досі так: атомна генерація – 45%, теплова – 42%, решта – гідро- і відновлювальна енергетика. Сьогодні є проблеми з постачанням вугілля, зношеністю основних фондів теплової енергетики – все це потребує колосальних інвестицій. Окрім «Центренерго», всю теплову генерацію «приватизовано» за копійки, вона – в руках конкретних олігархів. Тому треба вже вирішувати, в який спосіб її реформувати і модернізувати. Варіанти рішення дуже непрості, включно з націоналізацією. Але на цьому тлі забувають про ще один важливий виклик – екологію, якій завдається колосальний удар. Що може бути альтернативою? Відновлювальні джерела енергії (ВДЕ). Всі кажуть – це дорого. Але будівництво одного ядерного блоку, наприклад, на Хмельницькій АЕС, коштуватиме приблизно 8 мільярдів доларів. Це теж дороге задоволення. Тому держава має, нарешті, вибудувати єдину енергетичну концепцію і чітко вписати в ній місце ВДЕ. За останні чотири роки в країні виробили 1,5 ГВт електроенергії з альтернативних джерел енергії. Відніміть звідти 400 МВт енергії «сонця» в анексованому Криму... І все це – коштом інвесторів, держава жодної копійки не витратила. «Зелені» тарифи компенсує бізнесу споживач.

– Парламент ухвалив загалом законопроект №2010-д про зниження «зелених» тарифів для сонячних електростанцій. Що ще він змінює?

– **Перше** – запропоновано зменшити «зелений» тариф (і внести відповідні зміни заднім числом для вже діючих проектів) на 44% для уже збудованих сонячних електростанцій потужністю 10 МВт і більше. Для інших видів ВДЕ – тарифи незмінні. Це потрібно, щоб встановити соціальну справедливість щодо інших учасників ринку ВДЕ. Адже, наразі, зі 100% усіх платежів по «зеленій» енергетиці – приблизно 65% коштів отримує «сонце», а 90% цієї суми припадає саме на станції, потужністю 10 МВт і більше. Це колосальні гроші – мільярди і мільярди гривень. Довкола цього наразі точиться чимало питань.

Друге – ліквідує в діючому законі поняття «місцева складова» (коливалася в межах 30–50%, залежно від напрямку), яка суттєво гальмувала розвиток альтернативної енергетики. Це значно спростить прихід інвестицій у зелену енергетику. **Третє** – Законом визначається поняття «біомаси», що теж сприятиме розвитку цього напрямку в енергетиці. А перспективи тут значні, бо Україна – потужна аграрна держава.

– Тобто норма по зниженню «зелених тарифів» зачіпає сонячний бізнес Ключова?

– Подейкують, що значна частина цих проектів (сонячних електростанцій. – Авт.), приблизно 95%, належить одній ФПП. Прізвище власника ви назвали. Але це чутки...Юридично так це чи ні? Швидше за все, що – так.

– Насправді «зелена» енергетика – це не тільки вітер, сонце, вода, а й біомаса (солома, верба енергетична тощо). Чому в Україні не бачать гроші під ногами?

– За оцінками фахівців, тільки біомаса дозволить замінити 5–6 мільярдів метрів кубічного газу. Як цього досягнути? Ринок біомаси потрібно формувати, як і будь-який інший. А це означає – створювати правила, фінансово стимулювати ті ж агрохолдинги реалізовувати такі проекти. Адже сьогодні термін окупності таких об'єктів, попри заяви НКРЕ, становить 8–10 років. Через військові, політичні та економічні проблеми інвестори не стоять у черзі, щоб вкладати кошти в українську зелену енергетику. Нині ми працюємо в комітеті над концепцією щодо використання біометану, розробляємо низку нормативних документів, щоб прискорити використання біомаси для заміщення газу. Але не все так швидко. Нікуди не зникла проблема дорогих імпортованих технологій (вона ще посилилася при девальвації) та часто неякісного українського обладнання.

– Яке з відновлювальних джерел має бути пріоритетним в енергостратегії України на найближчі роки?

– Кожен регіон повинен мати свою структуру альтернативної енергетики. Адже у них різні кліматичні умови. На півдні країни доцільно розвивати сонячну енергетику, в центрі – сонце, біомасу і біогаз, в Закарпатті – біомасу, сонце. Треба навчитися максимально ефективно використовувати потенціал кожного регіону. Варто поквапитися із визначенням. Адже до 2020 року Україна має наростити частку альтернативної енергетики до 11% у структурі загального споживання. Я переконаний, що це можна зробити. Але для цього українське законодавство має бути європейським. В ЄС вже є країни, які поставили собі за мету вийти на 100% альтернативної енергетики.

– **Для нас, мабуть, це поки що недосяжна планка.**

– А чому ні? Основна проблема України – ми 24 роки йдемо вперед із повернутою назад головою. У сучасному світі цього не можна робити. Потрібні нестандартні рішення й амбіційні завдання. Україна спокійно може увійти до десятки найрозвинутіших держав із ВДЕ, але за умов наполегливої роботи. За що сьогодні борються лідери світу? За інтелектуальний ресурс (навіть, в Україні іноземні держави вираховують випускників вузів і забирають до себе) та інновації. Якщо збережемо сьогоднішні підходи, то за 5–10 років можемо втратити свій інтелектуальний та інноваційний потенціал. Тому я – за сильні амбіції України. Має бути висока планка, максимальна концентрація професійної команди, і успіх прийде» [12].

Література

1. **Рар А.** Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ) / А. Рар. – М.: «Олма Медиа Групп», 2012. – 352 с. 2. **Ранкс К.** Мировая война XXI века / Константин Ранкс. – М.: Эксмо, 2011. – 256 с. 3. **Хоуп К.** Прекращение Россией строительства «Южного потока» вызвало шквал недовольства в Восточной Европе [Электронный ресурс] / К. Хоуп, К. Оливер, Э. Бирн. – Режим доступа:

<http://www.capital.ua/ru/news/36065-ft-prekraschenie-rossiyei-stroitelstva-yuzhnogo-potoka-vyzvalo-shkval-nedovolstva-v-vostochnoy-evrope#ixzz3LTuE12B5>.

4. **Горбулін В.** "Гібридна війна" як ключовий інструмент російської геостратегії реваншу [Електронний ресурс] / В. Горбулін. – Режим доступу: http://gazeta.dt.ua/internal/gibridna-viyna-yak-klyuchoviy-instrument-rosiyskoyi-geostrategiyi-revanshu_.html.

5. **Юзич М.** Україна припинила купувати російський газ. Михайло Гончар: «З боку «Газпрому» триває гра на розкол Європи» / М. Юзич // День. – 2015. – 2 липня. – С.2. 6. **Каценельсон В.** Конец власти нефти. Как Apple и Tesla изменят мир [Электронный ресурс] / В. Каценельсон. – Режим доступу: <http://nv.ua/opinion/katsenelson/konets-vlasti-nefti-kak-apple-i-tesla-izmenyat-mir-71966.html>.

7. **Княжанський В.** «Росія ігнорує міжнародне законодавство». АМКУ зобов'язав «Газпром» привести умови транзиту газу через територію України до економічно обґрунтованого рівня / В. Княжанський // День. – 2016. – 27 січня. – С.9. 8. **Княжанський В.** «Нафтогаз» у цуцванзі. Експерт називає помилкою української сторони запрошення «Газпрому» на перемовини щодо нових умов транзиту газу до Європи / В. Княжанський // День. – 2016. – 21 січня. – С.9.

9. **Джеджула А.** Крупнейшая польская нефтегазовая компания подала иск против "Газпрома" в Стокгольмский арбитражный суд / А. Джеджула // Факты. – 2016. – 3 фев. – С.3. 10. **Джеджула А.** Итальянская компания требует от "Газпрома" 759 миллионов евро за срыв строительства подводной части "Южного потока" / А. Джеджула // Факты. – 2016. – 2 фев. – С.4. 11. **Андрюшенко Н.** Майбутнє, в якому немає місця «Газпрому». Єдиний в Україні фахівець із геоенергетики Олег Хоменко вважає, що проблема використання тепла Землі в побуті – питання часу / Н. Андрюшенко // День. – 2016. – 7 квіт – С.8-9.

12. **Білоусова Н.** Олександр Домбровський: За трип'ять років інтенсивної роботи проблему енергетичної залежності України можна вирішити / Н. Білоусова // День. – 2015. – 11 чер. – С. 6-7.

Стаття надійшла до редакції 11.04.2016

Прийнято до друку 27.04.2016